

Тартуский университет
Философский факультет
Институт германской, романской и славянской филологии
Отделение славянской филологии
Кафедра русского языка

**О соответствиях формам эстонского имперсонала в
переводах на русский язык**

Магистерская работа
студентки отделения
славянской филологии
Елены Ивановой

Научный руководитель –
проф. И. П. Кюльмоя

Тарту 2013

Оглавление

Введение.....	4
Глава I. Теоретические основы исследования	8
1. История изучения залога в русской грамматической традиции	8
2. Современное состояние изученности проблемы	11
1.1. Русский залог	11
1.2. Неопределенно-личные предложения, их семантика и синтаксический статус	14
1.3. Безличные предложения и выражение субъекта нулевой лексемой.....	17
1.4. Семантика глагола и переходность.....	19
1.5. Эстонский имперсонал	21
Выводы.....	25
Глава II. Об ограничениях в образовании русских залоговых форм, эквивалентных эстонскому имперсоналу.....	26
2.1. О несемантических ограничениях в образовании пассивных форм.....	26
2.2. О влиянии каузативной семантики глаголов на образование пассивных форм	29
2.3. Влияние глагольной семантики на образование пассивных форм.....	32
Выводы.....	36
Глава III. Факторы, влияющие на перевод, и варианты перевода форм эстонского имперсонала.....	38
3.1. Вариативность глагольных форм при переводе эстонского имперсонала.....	38

3.2. Перевод двусоставными предложениями.....	41
3.3. Функциональные стили речи и залоговые формы	44
3.4. Агенс	49
3.5. Варианты перевода, зависящие от типа агенса	52
3.6. Отрицательная оценка как компонент семантики неопределенно-личных предложений.....	54
Выводы.....	62
Заключение.....	64
Литература.....	68
Источники.....	73
Список сокращений.....	74
Kokkuvõte.....	76

Введение

Любому, кто когда-либо занимался переводом или его анализом, известно, что существуют десятки вариантов перевода одного и того же предложения. Профессиональный переводчик должен передать оригинальный текст в соответствии с нормой языка перевода, сохраняя черты стиля и нюансы значения, передаваемые как лексически, так и грамматически. Для этого он должен постоянно выбирать между различными средствами выражения одних и тех же значений.

В фокусе внимания данной магистерской работы возможные варианты перевода одной эстонской глагольной формы – имперсонала – на русский язык; факторы, влияющие на этот перевод и ограничения в рус. языке, действующие при образовании залоговых форм. Выбранное направление исследования нашло свое отражение в структуре работы.

Структура работы. Данная магистерская работа состоит из трех глав. В первой главе «*Теоретические основы исследования*» представлены основные моменты истории изучения залога в русской грамматической традиции и современное состояние изученности проблемы, здесь затрагиваются такие аспекты, как семантика и синтаксический статус неопределенно-личных предложений¹ и выражение субъекта безличных предложений нулевой лексемой. В этой части магистерской работы также рассматриваются важные для дальнейшего исследования определения переходности глаголов и связи потенциала образования страдат. форм с глагольной семантикой. Завершается данная глава положениями эст. грамматики, где дано определение эст. имперсональных предложений и приводятся примеры их реализации. Во второй главе исследования «*Об ограничениях в образовании рус. залоговых форм, эквивалентных эстонскому имперсоналу*» внимание сосредоточено на русских залоговых формах, рассматривается каузативная семантика глагольных форм, предположительно в какой-то мере налагающая ограничение при образовании пассивных форм, также сделана попытка установить, какая еще семантика влияет на образование русского пассива. В третьей главе «*Факторы, влияющие на перевод, и варианты перевода форм эстонского имперсонала*» представлены варианты

---

¹ Далее сокращенно: НЛП. Список сокращений см. на стр. 74-75.

перевода глагольных форм с эст. языка на русский, показано влияние функциональных стилей речи на перевод залоговых форм; рассмотрено влияние агенса на выбор варианта перевода. Один из вариантов перевода эст. имперсонала на русский – НЛП – рассматриваются с точки зрения оценочного компонента их семантики.

Объект исследования. – предложения неопределенно-личного залога в эст. языке (рассматриваются формы наст. вр. и имперфекта индикатива положительной формы речи, т.е. формы типа *räägiti, räägitakse*) и варианты их перевода на рус. язык.

Цель данной работы - описать и проанализировать варианты перевода эст. имперсонала на рус. язык. Для ее реализации необходимо решить следующие задачи: 1) описать теоретические основы исследования, т.е. понятие залога в русской грамматической традиции, семантику и статус неопределенно-личных предложений в русской грамматике, семантику и функции неопределенно-личного залога в эстонской грамматике; 2) найти возможные варианты перевода эстонских имперсональных конструкций на русский язык и описать факторы, влияющие на перевод; 3) попытаться обосновать правомерность того или иного варианта перевода; 4) найти и представить перечень сгруппированных по семантическому признаку русских глаголов, для которых затруднено образование страдат. форм.

Актуальность работы. Л. Л. Буланин отметил необходимость исследования потенциала образования страдат. форм у различных семантических групп русских глаголов. По его словам, относительно полный список несоотносительных по залогу переходных глаголов стал бы «ценным вкладом в теорию и практику исследования залога» [Буланин 1986: 75]. Предыдущие исследования данного вопроса в основном ограничивались выводами о влиянии стилистических факторов, препятствующих образованию страдат. форм, а также в качестве основной причины называли омонимию двух грамм. форм, действ. возвратной и синтетической страдат. формы (глаголы с постфиксом *-ся*). Кроме этого аспекта в данной работе затронута тема различных средств перевода эстонского имперсонала, встречающихся в переводах литературных и учебных текстов с эст. языка на рус. яз. В справочниках, ориентированных на контрастивное описание, и учебниках, как правило, даются лишь формы перевода НЛП и страдат. конструкциями, перевод же безличными

предложениями считается приемлемым только в случае определенного типа агенса, в качестве которого выступает стихия или силы природы. Внимание, уделенное варианту перевода имперсонала двусоставными предложениями с сохранением значения неопределенно-личности, не представляется достаточным.

Методы анализа. В контрастивной части исследования используется метод сопоставления двух языков, эстонского – исходного языка и русского языка как целевого. При анализе влияния функц. стилей речи на выбор формы перевода выбран статистический анализ, метод сплошной выборки (все предложения нужной формы данного текста – по формальным показателям), группировка, построение и анализ диаграмм. Тот же метод использовался при наглядном исчислимом отображении элементов с отрицательным оценочным компонентом семантики НЛП. При анализе влияния глагольной семантики на образование страдат. форм применялся отбор из Русского семантического словаря методом исключения лексики, неспособной образовать формы страдат. залога по несемантическим причинам.

Предмет исследования. В определенных типах предложений семантический субъект не выражается в виде подлежащего. Вопрос определения имплицитно выраженного субъекта этих двух типов предложений, НЛП и безличных предложений, важен при выборе средства перевода и для предупреждения довольно распространенных ошибок в отнесении действия к объекту вместо субъекта в осложненных предложениях. Схема пассивного предложения, где синтаксически незаполненная позиция подлежащего заполняется нулевой лексемой, принята И. А. Мельчуком. Согласно этой схеме легко определить залоговую принадлежность наиболее сложных в этом плане предложений [Мельчук 1974: 350-351]. Семантика русских глаголов является предметом исследования при анализе факторов, влияющих на потенциал образования глагольных страд форм.

Форма эстонского имперсонала и её эквиваленты в тексте русского перевода анализируются на материале текстов двух типов: художественного (рассказы Л. Промет «Девушка в черном» и Я. Кросса «Час на стуле, который вращается») и учебного («Учебник по истории для русских и эстонских школ»). При статистическом подсчете и в качестве наглядных примеров использованы ресурсы НКРЯ и корпуса текстов эст. литературы 1990-х гг. (корпус составлен

исследовательской группой компьютерной лингвистики при Тартуском университете).

Научными предпосылками для работы были исследования по контрастивной лингвистике И. П. Кюльмоя и В. П. Щадневой, в которых было сделано наблюдение, что вариант перевода эстонского имперсонала определяется стилистикой функционального типа речи, характером имплицитно выраженного агенса и семантикой глагола, передающего неопределенно-личное значение (см. об этом: [Кюльмоя, Щаднева 1999: 96-101], [Щаднева 200: 160-163]). Кроме того, наиболее важными для нас исследованиями русских страдат. форм являются работы В. С. Храковского (см.: [ТФГ 1991]) и Л. Л. Буланина (см.: [Буланин 1986]).

Глава I. Теоретические основы исследования

1. История изучения залога в русской грамматической традиции

В. В. Виноградов в своем труде «Русский язык» отмечает влияние греко-латинских грамматик на работы русских грамматистов по залогу. Русский залог дифференцирован еще в грамматике XVII века Мелетия Смотрицкого, затем в грамматике М. В. Ломоносова «уже вырисовываются ясные контуры традиционных школьных шести залогов русского глагола (действительного, страдательного, возвратного, взаимного, среднего и общего)» [Виноградов 1972: 466].

Свой вклад в теорию русского залога внесли В. А. Богородицкий и А. Х. Востоков, разработки Ф. И. Буслаева вызвали широкую полемику среди грамматистов. В частности, А. А. Потебня критикует деление на четыре залога, действительный, страдательный, средний и возвратный, выделенные Ф. И. Буслаевым в его грамматике 1863/1868 гг. А. А. Потебня видит противоречие в разделении переходных и непереходных глаголов по четырем залогам, заключающееся в том, что глаголы, которые в зависимости от контекста могут быть как переходными (*читать книгу*), так и непереходными (*он уже читает и пишет* в значении «умеет читать»), в соответствии с классификацией Буслаева, относятся то к действительному, то к среднему залогу. Остается неясным, на каком основании происходит деление, кроме того, у Буслаева неоднозначно классифицируются глаголы с постфиксом *-ся*, что связано с отсутствием разграничения формообразующего и словообразовательного *-ся*, на что, в терминологии своего времени, указывает А. А. Потебня, говоря о грамматической омонимии: «о возвратном глаголе в том виде, как он понят Буслаевым, невозможно сказать, что он состоит из действительного с возвратным местоимением» [Потебня 1977: 246].

А. А. Потебня в работе «Из записок по русской грамматике» отмечает зависимость образования залога от переходности или непереходности глагола: «З а л о г означает деятельность предмета, или переходящую на другой предмет, например *читаю книгу, привыкаю к труду* [глаголы, переходящие, требующие после себя

дополнения], или непереходящую, например *стою* [глаголы, непереходящие, не имеющие дополнения]» [Потебня 1977: 245].

Критике были подвергнуты также теоретические выкладки Д. Н. Овсянико-Куликовского относительно двусмысленности понятия мнимости, фиктивности субъекта действия [Виноградов 1972: 482]. Овсянико-Куликовский определяет залог как «глагольные формы, которые воспроизводят отношение подлежащего к сказуемому, представляя подлежащее либо как деятеля (все равно подлинного или фиктивного), производящего признак, данный в сказуемом, либо как не-деятеля или как деятеля мнимого, который не производит признака, данного в сказуемом, и только отвечает на вопрос: кто? что?». Виды подлежащего в действ. залоге классифицируется таким образом: подлежащее – производитель признаков (*Я пишу письмо*), подлежащее – фиктивный деятель (*Он умер*) и подлежащее – формальный (грамматический) деятель (*Снег белеет*). Переходность/непереходность глагола является основанием для залоговой классификации [Овсянико-Куликовский 1907: 121-135].

Овсянико-Куликовский относит страдат. предложения и НЛП к «относительно-безсубъектным»: *Так некли только, бывало, в Обломовке* (Гончаров, «Обломов» IV) и подробно останавливается на возможных причинах отсутствия эксплицитно выраженного субъекта, называя такие, как: «ненадобность определенного обозначения деятеля: *здесь не курят*; умолчание о деятеле, оттесняющее мысль, что он неизвестен, скрыт, таинственен (слухи, толки, вести); умолчание о деятеле в силу того, что он достаточно ясен из материального значения сказуемого; обход подлежащего связан с оттенками общераспространенности, обычности того, что выражает сказуемое: *обыкновенно, говорят что...* » [Овсянико-Куликовский 1901: 25-27].

А. М. Пешковский в своем фундаментальном труде не говорит о действительном и страдательном залогах, а только о страдательном значении взаимного залога (такие примеры, как *посещается, арестовывается, избивается, исследуется* и т.п.), в котором «направление действия здесь обратное тому, какое имеется при глаголе невозвратном». Особенностью этой теории является мнение автора о том, что в РЯ категория глагольного залога занимает исключительное положение, а в залоговой

системе есть только один залог – возвратный, т.к. невозвратный залог – категория нулевая. Возвратный залог здесь имеет собственные уникальные морфологические показатели – аффиксы *-ся*, *-сь*, имеющие в системе только возвратно-залоговое значение (см. об этом: [Пешковский 2001: 113-117]).

Ф. Ф. Fortunatov исключил значительное число глаголов из залоговой системы, его теория в сочетании с разработками А. А. Шахматова является основой системы трех залогов – действ., возвратно-среднего и страдат. [Буланин, Бондарко 1967: 163]. В. В. Виноградов вслед за Шахматовым определяет семантические типы возвратных глаголов и также придерживается классификации залога по трем категориям: действ., возвратно-средний и страдат., где «значение глаголов на *-ся*, образованных от глаголов действ. залога называется возвратно-средним» [Виноградов 1953 I: 418-422].

2. Современное состояние изученности проблемы

1.1. Русский залог

Залог в русском языке по ряду причин является категорией, особенности которой следует оговорить. Эта категория, будучи системой противопоставления «действительности и страдательности как таких грамматических значений, в которых заключено разное представление одного и того же соотношения между семантическим субъектом, действием и семантическим объектом» выражается «одновременно и морфологически – формой глагола, и синтаксически – конструкциями актива и пассива» [РГ 1980, I: 614]. Характер отношений между актантами предложения определяется как «направленность или ненаправленность глагольного действия на предмет, обозначенный подлежащим. <...> Действительный залог (актив) представляет собой систему форм, показывающих ненаправленность глагольного действия на предмет, обозначенный подлежащим: *Садовник вскапывает грядки*. Страдательный залог (пассив) представляет собой систему форм, показывающих направленность глагольного действия на предмет, обозначенный подлежащим, например: *Грядки вскапываются садовником*». В активном предложении подлежащим будет субъект действия, в пассивном – объект [Буланин 1986: 3-4].

Различают категориальные грамматические значения форм лиц глаголов и местоимений, выражающих неопределенность субъекта (*Вопрос решают*) и не категориальные грамматические значения форм глагола с неопределенно-личной семантикой, имплицитной, но не выраженной специальными языковыми средствами (*Вопрос решается*) [ТФГ 1991: 10-11].

Абсолютно все глаголы русского языка входят в залоговую систему, любая форма глагола, будь то личная форма, инфинитив, причастие или деепричастие, «характеризуется по залогам как форма актива или форма пассива» [Буланин 1986: 4], при этом действительный залог является немаркированной грамматической категорией, он не имеет собственных показателей. Показатели имеются только у страдательного залога: «1) постфикс –ся у всех форм НСВ, кроме причастия на –мый;

2) суффикс *-м-* у причастия на *-мый* ; 3) суффиксы *-нн-* (*-н-*) и *-т-* причастий СВ в полной и краткой форме²» [Буланин 1986: 4]. Однако эти показатели присущи не только пассиву, они могут также выражать другие грамматические значения, возникает даже грамматическая омонимия между формами с постфиксом *-ся*: *Звуки песни далеко разносятся в тишине* – действительный залог возвратного глагола, где *-ся* – словообразовательный аффикс; и *Письма разносятся почтальоном* – возвратная форма страдательного залога, здесь *-ся* – формообразующий аффикс» [Бондарко, Буланин 1967: 152]. Из-за грамматической омонимии «во многих случаях пассивная форма может быть опознана как пассивная лишь в контексте» [Буланин 1986: 5]. Над явлением грамматической омонимии было сделано важное наблюдение: «русский язык стремится отторгнуть омонимию словообразовательного (лексического) и грамматического (страдательного) *-ся*» [Щаднева 2000: 190], в результате чего действуют системные ограничения на образование пассивных форм.

Страдательный залог также является функционально маркированной категорией. Функциональной особенностью страдательного залога является интенция говорящего «сфокусировать внимание на объекте, на который направлено действие и который является носителем результата» [Лопатин, Милославский, Шелякин 1989: 201-202].

Категории залога свойственна полевая структура, где центром является соотносительность активной и пассивной формы – переходные глаголы типа *доставлять*, периферия – несоотносительные по залогу непереходные и некоторые переходные глаголы *activa tantum*³, безличные глаголы периферийны в крайней степени, т.к. вообще не имеют подлежащего [Буланин 1986: 5]. Тем не менее, «конструкции определенно-личная, неопределенно-личная и безличная относятся к активу, а глаголы в них – к глаголам действительного залога» [РГ 1980, I: 614].

В теории функциональной грамматики залог рассматривается как часть комплекса языковых средств, выражающих залоговые отношения. Эти средства объединены понятием **з а л о г о в о с т и**: как комплекса ФСП, которые охватывают

² Мы будем пользоваться традиционными терминами и называть формы на *-нн-* (*-н-*) и *-т-* краткими страдательными причастиями, хотя Л. Л. Буланин отмечает, что они таковыми не являются, т.к. не имеют грамматического времени, вида и залога, следовательно скорее должны называться «компонентом аналитической формы страдательного залога» [Буланин 1986: 38].

³ Термин *activa tantum* употребляется в работе А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина «Русский глагол» и обозначает глаголы, имеющие только формы действительного залога.

разноуровневые языковые средства, используемые для характеристики глагольного действия в его отношении к семантическим субъекту и объекту. Характер соотношения действия, семантического субъекта и объекта с элементами синтаксической структуры предложения – сказуемым, подлежащим и дополнением, составляет один из двух компонентов залоговой диатезы – активность или пассивность [ТФГ 1991: 125-130].

В теории функциональной грамматики залог рассматривается также в связи с полем персональности, где центром являются грамматические формы лица глагола и личных местоимений – они представляют грамматическую категорию лица, в свою очередь 1-2-е лицо составляют центр, а 3-е периферию. На периферии поля персональности находятся: формы личных местоимений в косвенных падежах; лексема *человек* в сочетании с глагольными формами для выражения персональной семантики обобщенно-личности: *Только в одиночестве человек может работать во всю силу своей могучи* (А. Герцен). На крайней периферии поля персональности находятся формы безличности [ТФГ 1991: 19-23].

Кроме того, все связанные с залоговой диатезой семантические категории, такие как активность/пассивность, возвратность, взаимность, переходность/непереходность, рассматриваются как элементы более широкой сферы залоговости [ТФГ 2011: 29]. Пересечение функционально-семантических полей категорий предельности/непредельности, переходности/непереходности, аспектуальности и залоговости можно проследить на примере глагольной лексемы типа *стоять*, в которой пересекаются категории непредельности, непереходности, *imperfectiva tantum* и *activa tantum* [ТФГ 1991: 221].

Актуальными для нашего исследования являются замечания В. С. Храковского о факторах ограничения на образование пассива, среди которых актантность, «вес актантов», связь глагола с актантами, значение партиципанта, значение и морфология глагола, стилевая принадлежность глагола и др. [Храковский 1974: 30]). И. А. Мельчук в вопросе определения типологии рассматриваемых нами предложений настаивает на трактовке НЛП, пассивных и безличных предложений как двусоставных с нулевой лексемой, что вполне соответствует и нашей трактовке данных предложений.

Наиболее подробно проблема взаимодействия глагольной семантики и потенциала образования пассивных форм рассмотрена в современной работе Д. И. Коломацкого. Автор акцентирует свое внимание на возможностях образования различными семантическими группами разных пассивных форм. Особенности и, на наш взгляд, полезными для наших изысканий преимуществами этой работы являются:

1. Схема определения пассивности предложения, где подлежащее пассивного предложения выражается нулевой лексемой. Исходя из данной схемы, пассивными признаются такие неоднозначные случаи, как *Дверь не открывается* [Коломацкий 2009: 50].

2. Отмечены такие общие связанные с акциональностью проблемы залоговых оппозиций, как сложность определения видовых пар глагольных лексем, а также даны решения: для определения видовой пары используется т.н. критерий Маслова [Коломацкий 2009: 101-102].

3. Указано количество вхождений, по данным исследования их не менее 29% от общего числа, в которых функционирует возвратный перфективный пассив⁴. Данная статистика глаголов СВ, образующих пассив на *-ся* особенно поражает, т.к. приводится на фоне фактического отрицания такой возможности в традиционных исследованиях [Коломацкий 2009: 114-115].

4. Утверждается постулат Н. В. Перцова о приемлемости высказывания, согласно которому приемлемость высказывания рассматривается с грамматической точки зрения: «высказывание может быть грамматично, но не употребляться из-за неприемлемого сочетания значений или стилистической окраски» [Перцов 2003: 42-47].

1.2. Неопределенно-личные предложения, их семантика и синтаксический статус

Традиционно под термином *неопределенно-личное предложение* понимается односоставное предложение, в котором субъект выражен имплицитно. Такой способ выражения субъекта действия выполняет здесь те же функции, что и при

---

⁴ Возвратный перфективный пассив – один из терминов для обозначения синтетического пассива или пассива на *-ся*.

имплицитном выражении других языковых средств: 1. Экономит усилия говорящего; 2. Актуализирует важные для говорящего или для слушающего значения; 3. Вносит в предложение дополнительные смыслы, в том числе и экспрессивные; 4. Вуалирует или видоизменяет целевое значение высказывания (см. об этом: [Щаднева 2000: 27]).

Существует серьезное противоречие, касающееся термина НЛП. Дело в том, что такие предложения традиционно классифицируются как односоставные, и здесь мы пользуемся определением М. А. Шелякина: «Предложения, в которых отдельно выражены состав субъекта и состав предиката, называются двусоставными. Предложения, в которых один из составов не имеет отдельного словесного выражения, называются односоставными: *По радио передают последние известия* (словесно не выражен субъект предложения). <...> В русском языке отсутствуют специальные лексические показатели для выражения субъекта предложения в его качественной или количественной несущественности (ср.: нем. *man*, фран. *on*, англ. *one*). Русский язык в этих случаях использует форму 3-его лица мн. ч. или форму прош. вр. мн. ч.: ср. *О нем много пишут/писали в газетах*» [Шелякин 2001: 178]. С другой стороны, отмечается, что «термин *н е о п р е д е л е н н о - л и ч н ы й* не отражает специфики рассматриваемых предложений, поскольку под данное понятие могут быть подведены как односоставные обобщенно-личные предложения, так и двусоставные предложения с субъектом, выраженным неопределенно-личными местоимениями (*кто-нибудь, кто-то, кое-кто*), а также формой мн. числа существительных» [ТФГ 1991: 63]. Сложность в отнесении НЛП к определенному, односоставному или двусоставному, типу предложений также усиливается тем, что по характеру выражения субъект НЛП является имплицитным в разной степени. Б. М. Гаспаров выделяет имплицитный, не названный в тексте субъект; названный в тексте за пределами конкретного предложения; и – эксплицитно выраженный субъект, но остающийся при этом «подчеркнуто посторонним»: *Опять они не топят!* (= *Опять не топят!*) [Гаспаров 1971: 193].

Данное противоречие между формальной односоставностью и фактической имплицитной или даже в некоторых случаях эксплицитной двусоставностью снимается введением понятия «**нулевая лексема**». При таком подходе «предложение, традиционно классифицируемое как односоставное – это

предложение, в котором один из партиципантов выражен нулевой лексемой» [Мельчук 1974: 350-351]. Таким образом, в нашем исследовании «НЛП трактуются как двусоставные с нулевой лексемой Ø^{люди} в качестве субъекта, а безличные – с лексемой Ø^{стихия}» [Мельчук 1974: 352], что находит свое отображение в отборе практического материала для статистического анализа и наглядных примеров из НКРЯ.

Таким образом, мы говорим о неопределенно-личных предложениях с нулевой лексемой, в отдельных случаях эта лексема выражается эксплицитно с сохранением семантики НЛП и семантики субъекта НЛП, на которой далее остановимся подробнее.

Г. А. Золотова относит НЛП к неопределенно-личным субъектным модификациям моделей предложений. Субъект в таких предложениях эксклюзивен (признак дифференциации неопределенно-личных и обобщенно-личных – инклюзивность/ эксклюзивность субъекта действия) [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 115-118]. В субъекте НЛП - «угрожающее ощущение чужого, чуждого мира, враждебного (*зажали, схватят, приведут, повесят*) – это „они“, „другие“» [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 461].

Н. К. Онипенко, основываясь на выводах Г. А. Золотовой и Т. В. Булыгиной и используя некоторые их наблюдения, отмечает особый характер отношений между говорящим и субъектом действия⁵ в НЛП [Онипенко 2001]. С помощью терминов *фактор эксклюзивности говорящего* и *инклюзивности говорящего* – т.е. его исключенности или включенности в состав субъекта действия, делается попытка объяснить смещение фокуса зрения говорящего, выражаемого предикатом НЛП, и сближения позиции говорящего с позицией одного из героев – т.н. *фокуса эмпатии* [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998: 86] и [Онипенко 2001].

Проявляется зависимость конкретного НЛП и среды, в данном случае коммуникативных регистров, в которой данные предложения употребляются. Замечено, что в НЛП информативного регистра говорящий является **субъектом знания**, а в репродуктивном – **наблюдателем**⁶ [Онипенко 2001]. К описанию

---

⁵ Он назван в реферируемой статье «не соотносящимся с лицом, находящимся в фокусе эмпатии».

⁶ Разумеется, такие выводы не распространяются на язык в целом, они действительны только для рассматриваемого языкового материала.

зависимости функционально близких залоговых форм — страдательной и действительной неопределенно-личной, от функционального типа текста обратимся в главе «*Функциональные стили речи и залоговые формы*».

Односоставность целесообразно признавать при обучении и классификации. Но следует иметь в виду облигатное, вариантно – имплицитное, наличие двух компонентов в предложении: субъекта и предиката. План выражения предложения может быть эксплицитно односоставным – таковы классические НЛП. План содержания по наличию компонентов – всегда двусоставный. Есть примеры на периферии поля НЛП, когда план выражения в таких предложениях также двусоставный.

1.3. Безличные предложения и выражение субъекта нулевой лексемой

Особенными случаями являются предложения типа *Мне нездоровится, Тошнит, Знобит* и т.п. Для них определение субъекта действия является наиболее затруднительным. Во всех этих примерах есть указание на объект действия (*Мне нездоровится. Меня тошнит. Меня знобит*), который является одновременно и субъектом, тогда как само действие произвольно. Можно условно обозначить этот субъект действия для всех примеров, как «тело, физическое состояние, организм человека». В академической «Русской грамматике» о таких предложениях говорится, что субъект в них является субъектом – носителем состояния [РГ 1980, II: 350].

Разделение на субъектные предложения (*Затопало копытами по дороге* (Л. Толст.)) и бессубъектные (*Штормит*) весьма условно, т.к. первый субъект действия (лошадь) несколько не более конкретен, чем второй (ветер). Эти два субъекта отличаются только степенью материальности, а нематериальный субъект не равняется отсутствию субъекта [РГ 1980, II: 350-351].

Л. Л. Буланин не соглашается с позицией А. В. Бондарко относительно невозможности отнести безличные формы типа *Мне не спится* к тому или иному члену залоговой диатезы, а также с мнением Б. Ю. Нормана о необходимости вывести данные формы за пределы залоговых отношений и настаивает на трактовке залога в виде оппозиции с её маркированным членом – пассивом, т.е. по формуле «все, что не является пассивом, относится к активу» [Буланин 1986: 8].

Для выявления субъекта безличных конструкций, в данном случае называемого протагонистом, целесообразно начать с определения семантических валентностей у глаголов в конструкциях с *verba meteorologica*. Традиционной точкой зрения в этом вопросе является отсутствие у глаголов типа *смеркаться*, *вьюжить* и др., образующих безличные конструкции, мест для аргументов. Однако для представления всех видов глагольных конструкций рус. языка, в т.ч. и безличных, в рамках одной синтаксической парадигмы целесообразно принять точку зрения Л. А. Бирюлина, который считает эти глаголы семантически поливалентными и как минимум одноместными: *Дождит* (протагонист – дождь), *Смеркается* → *День смеркается*, *Потеплело* → *В воздухе потеплело* и др. [Бирюлин 1984: 6-7]. В безличных конструкциях происходит инкорпорация протагониста в лексическое значение названных глаголов, это включение может быть сильным, напр. в конструкции *Дождит* и слабым в конструкциях типа *Льет* и *Капает* [Бирюлин 1984: 8]. Для обнаружения «словоформы, способной по своим каноническим формальным характеристикам претендовать на роль подлежащего» [Бирюлин 1984: 10-11] были предложены следующие способы: 1. В конструкциях типа *Светает* окончание 3 л. считать выражением подлежащего, т.н. флективное подлежащее (Ф. И. Буслаев); 2. В той же конструкции подлежащее содержится в корне (В. С. Храковский) [Бирюлин 1984: 12].

В рамках функционального синтаксиса субъект определенно-личного предложения рассматривается как субъект состояния (*Я дремлю*), а в безличном предложении (*Смеркается*) происходит «осуществление природного состояния в его фазисном развитии» [Золотова 2009: 160], носителем этого состояния является пространство, среда, место. Таким образом, «структурно-смысловая однородность» таких примеров, «позволяет признать их моделями личных, двусоставных (или двухкомпонентных) предложений» [Золотова 2009: 161].

Мы рассматриваем способы выражения носителя предикативного признака⁷ (в активном предложении в этом качестве выступает семантический субъект, в пассивных - объект) предложения вслед за ТФГ в виде функционально-семантического поля⁸. НПП, выраженный подлежащим, находится в центре поля

⁷ Далее сокращенно НПП

⁸ Далее сокращенно ФСП

субъектности, другие средства выражения НПП, такие как лицо глагола, а также силы природы или физическое состояние человека в виде имплицитного агенса, относятся к периферии ФСП субъектности [ТФГ 1991: 18].

Исходя из всего вышесказанного, будем считать все глагольные формы, личные, безличные, обобщенно-личные и неопределенно-личные, членами одной из двух залоговых диатез. Предложения типа *Меня тошнит*, *Смеркается* и такие наиболее сложные случаи как *Мне не спится*, *Сегодня мне хорошо работается* относятся к активу, т.к. не имеют пассивных показателей (см. об этом: [ТФГ 1991: 138-139].).

1.4. Семантика глагола и переходность

Глаголы обладают различным потенциалом для образования форм залога в предложении. Возможность образования формы страдательного залога зависит от переходности глагола, непосредственно связанной с выражаемым им значением, т.е. «от лексико-семантических особенностей глаголов» [Лопатин, Милославский, Шелякин 1989: 195-196]. Переходные глаголы обозначают действие, направленное на объект, выраженный дополнением в форме вин. п. (при отрицании или частичном охвате объекта действием – род. п.: *читал книгу – не читал книги*). Только переходные глаголы могут показывать изменения в отношениях между производителем действия и объектом действия путем изменения форм этих глаголов, из чего следует, что лишь переходные глаголы образуют страдательные причастия [Виноградов 1953 I: 414].

Непереходные глаголы, действие которых замкнуто в сфере субъекта и не направлено на объект, напр.: *белеет парус*, *птица сидит на ветке*, образуют возвратные глаголы с формантом непереходности – постфиксом *-ся*. В одних случаях глаголы с этим суффиксом «несут в себе значение страдательности – и тогда глагол с постфиксом *-ся* употребляется в конструкции пассива; в других случаях такого значения нет – и тогда возвратный глагол употребляется в активной конструкции» [РГ 1980, I: 614].

Переходные глаголы означают действие, направленное на объект; это может быть объект создаваемый (*строить дом*), изменяемый (*белить потолок*, *колоть дрова*), уничтожаемый (*жечь письма*, *бить посуду*); воздействие на объект, не производящее в нем никаких изменений: *читать книгу*, *благодарить отца*, *поздравлять сестру*,

хвалить ученика, одобрить идею. Переходные глаголы называют также чувственные восприятия (*видеть картину, слушать музыку, чувствовать боль*), отношение (*любить человека, ненавидеть врага*). Объект при таких глаголах означает предмет, который воспринимается, к которому направлено отношение. Существуют переходные глаголы, которые управляют именем в род. п. вне условий отрицания. Это, во-первых, некоторые глаголы, совмещающие значение достижения результата со знач. количественности: *нарвать цветов, наделать ошибок, купить книг*; во-вторых, глаголы, при которых может быть употреблен как род., так и вин. п.: *ждать письмо* и *ждать письма*; *хотеть пряник* и *пряника*; *просить милостыню* и *милостыни* [РГ 1980, I: 614].

Говоря о переходности глагола, необходимо понимать различие между синтаксической переходностью, о которой обычно и говорится, и семантической переходностью. Под семантической переходностью понимается, в первую очередь, степень «интенсивности ситуации» и на нее влияют такие факторы, как количество участников языковой ситуации, кинезис, вид, наклонение, агентивность и некоторые др. [Коломацкий 2009: 253-255]. Несмотря на перспективность исследований в связи с семантической переходностью глагола, мы в данном исследовании ограничились рассмотрением синтаксической переходности, как факторе, влияющем на образование страдательного залога, и более глубоко, чем это делалось ранее, проанализировали зависимость возможности образования страдательных форм от семантики глагольных лексем. Наиболее наглядно связь переходности и непереходности с лексическим значением глагола можно проследить в глаголах, которые в одних значениях могут быть переходными, в других – непереходными. Так, глагол *читать* является переходным и управляет вин. п. в значении 'воспринимать написанное': *читать книгу, письмо*; этот же глагол является непереходным в значении 'уметь воспринимать написанное' (*Мальчи уже читают*), 'заниматься чтением' (*Мальчи сидит и читает*). В последнем случае внимание сосредоточивается на самом процессе, который абстрагируется от объекта; это так называемое абсолютное употребление глагола [РГ 1980, I: 615]. Подробнее связь переходности и семантики глагола будет рассмотрена на конкретном языковом материале.

1.5. Эстонский имперсонал

Категорию эстонского залога можно рассматривать как диатезу, у неё «есть два члена – личный залог или персонал и неопределенно-личный залог или имперсонал⁹». Имперсонал сочетается со всеми членами категории наклонения, кроме императива. Он также сочетается со всеми членами категории времени, обоими членами категории формы речи – отрицательной и положительной. Имперсонал не изменяется по лицам, если только не является пассивной конструкцией с аналитической формой перфекта и плюсквамперфекта: *Oled tapetud – Ты убит* [EKG 1995, I: 242].

Эстонскому языку свойственен прежде всего бессубъектный пассив, в котором субъект действия вытеснен с позиции грамматического субъекта и эта позиция остается в предложении незаполненной. Субъект действия при этом обычно отсутствует в предложении или представлен агентивным дополнением: *Ta saadeti (valitsuse poolt) maalt välja – Его выслали (со стороны правительства)* [EKG 1993, II: 30-31].

Имперсонал образуется с помощью грамматического показателя имперсонала, который присоединяется непосредственно к основе глагола; за показателями имперсонала могут следовать показатели времени, наклонения, супина или показатель причастия настоящего времени. В причастии прошедшего времени имперсонал отображается кумулятивно вместе с показателями времени и причастия» [EKG 1995, I: 242-243].

Имперсонал обычно выражает неизвестное лицо, т.е. указывает на существующего, но точно не конкретизированного живого производителя действия. Как правило, остается недефинированным как число производителей действия, так и их личности [EKG 1993, II: 30-31].

Показателями эстонского имперсонала являются семь алломорфов: *-takse, -dakse, -akse*, которые используются только в форме настоящего времени индикатива положительной формы речи; *-t, -d*, — используются только в форме имперфекта индикатива положительной формы речи; кроме перечисленных алломорфов имперсонал может выражаться и кумулятивными форматами причастия

⁹ Имперсонал = имперсональный пассив = неопределенно-личный залог (*эст.* umbisikuline tegumood), см.: EKG 1995, I: 73.

прошедшего времени: *-tud, -dud*; во всех остальных случаях для выражения сослагательного наклонения, квотатива, юссива, в формах настоящего времени, в отрицательных формах индикатива настоящего времени, супине и причастии настоящего времени используют алломорфы *-ta, -da*, присоединяя соответствующие формативы [EKG 1995, I: 242-243].

С термином «неопределенно-личный залог» или «имперсонал» (*umbisikuline tegumood*) связаны сложности в соотнесении его с семантикой этой грамматической категории. Термином «имперсонал» стали обозначать данные формы только с 1930-х гг., до этого их называли пассивными, устанавливая оппозицию к активным личным формам. В английской и французской лингвистических традициях этим термином традиционно обозначают безличные конструкции, что не соответствует сути данной грамматической категории эст. языка. При обозначении всех конструкций эст. языка с названными выше формантами термином «имперсонал» оказываются смешаны неопределенно-личные и безличные конструкции, имеющие одинаковые морфологические показатели. Исходя из словарного значения префикса *umb-* термин *umbisikuline* означает недифференцированность в определении лица, сплошную субъектность без подразделений.

Таким образом, для соответствия терминов и семантики предлагается обозначать неопределенно-личные конструкции термином *umbisikuline*, а конструкции, где действуют силы природы *mitteisikuline* (см. об этом: [Пихлак 1989: 48-53]).

В эстонское имперсональное предложение субъект, осуществляющий действие¹⁰, может быть введен с помощью конструкции с *poolt*. Агентивным дополнением считается грамматическая форма в элативе или субъект с конструкцией $N_g + poolt$: *Kogu kuusik oli tuulest/tuule poolt maha murtud*. Эта конструкция обозначает одушевленного или квазидушевленного производителя действия, используется чаще в письменной речи. Элатив оформляет как одушевленных, так и неодушевленных деятелей; причем при обеих возможностях оформления высказывания, предпочитается вторая [EKG 1993, II: 65-66]. Неопределенно-личное действие в таком предложении выражает причастие. Эстонская грамматика указывает ограничение на вводимое с помощью данной конструкции агентивное

---

¹⁰ В «Грамматике эстонского языка» [EKG 1993, II] используется термин *агент* (*agent* или *tegija*), в русской лингвистике принят термин *агенса*.

дополнение. В этом качестве может выступать группа лиц: ведомство, группировка, движение, институт – но никак не конкретное, названное по имени или указанное местоимением, лицо [Erelt 2006: 26-27].

Помимо активных имперсональных конструкций в эстонском языке также встречаются пассивные имперсональные конструкции, также называемые имперсонализированным пассивом, которые на рус. язык переводятся неопределенно-личной конструкцией: *Teda oldi pildistatud* – *Его фотографировали*

Некоторые эстонские грамматисты призывают различать эстонский имперсонал и личный пассив, ср. эти формы в наст. вр.: *Lehed loetakse* (имперсонал) – *Газеты читают/Газеты читаются*; *Lehed on loetud* (пассив) – *Газеты прочитаны* [Vihman 2006: 160-162].

Конструкции, имеющие те же формальные показатели, что и конструкции неопределенно-личного залога, могут также иметь и семантику безличности и переводиться на рус. язык соответствующими безличными конструкциями: *Tuul kiskus puud juurtega maa seest välja* → *Puud kisti juurtega maa seest välja* – *Ветер вырвал/вырвал деревья из земли вместе с корнями* → *Деревья вырвало/вырывало из земли вместе с корнями* [EKG 1993, I: 73]. Причем, одна и та же лексема в одной и той же форме может переводиться как неопределенно-личной, страдат., так и безличной конструкцией, ср.:

(1) Ent järsku **paisa-ti** uks lahti ja Bruno koos oma alali-se saatja Sven-iga tuli sisse (Ira Lember, Vālgust tabatud).

Но вдруг бросить-PASS:PRT дверь открытый и Bruno вместе свой вечный-GEN спутник-GEN Свен-КОМ входить-PRT внутрь-ILL

*Но вдруг дверь распахнулась и Bruno вошел вместе со своим вечным спутником Свеном

(2) Mees **paisa-ti** tuul-de nagu kaltsunukk (Choronzon, Maniakkide Tänav).

Мужчина бросить-PASS-PRT ветер:ILL как тряпка.кукла

*Мужчину отбросило как тряпичную куклу¹¹

При переводе последнего предложения, взятого в качестве примера, представляется верным устранить субъект действия (торнадо) из русского перевода,

¹¹ Эст. предложения в этих двух примерах взяты из корпуса эст. худ. лит-ры 1990-х гг. – <http://www.cl.ut.ee/korpused/>, перевод мой – Е. И.

т.к. это предложение функционирует в контексте, из которого этот субъект легко определяется.

Выводы

Суммируем общие положения русской и эстонской грамматик, которые учитываются при переводе эстонского имперсонала на адекватные ему русские грамматические конструкции.

При переводе имперсональных эстонских предложений на русский язык необходимо учитывать следующие положения:

1. Как правило, эстонские имперсональные бессубъектные конструкции переводятся на русский язык односоставными бессубъектными конструкциями: неопределенно-личной, страдательной или, в редких случаях, безличной.
2. В русском языке значение неопределенно-личности также может передаваться посредством двусоставного предложения с неопределенно-личным местоимением или выражаться лексемой, обозначающей неопределенный круг выполняющих действие лиц.
3. В зависимости от семантики нулевой лексемы, выступающей в роли семантического субъекта эст. имперсонального предложения, требуется перевод неопределенно-личной, безличной или страдат. конструкцией.
4. Синтаксический статус безличных предложений предлагается определять введением в схему предложения нулевой лексемы. Исходя из всего вышесказанного, будем считать все личные, безличные, обобщенно-личные и неопределенно-личные глагольные формы членами одной из двух залоговых диатез. Предложения типа *Меня тошнит* и *Смеркается* относятся к активу.
5. Учитывая, что классическим вариантом перевода эстонского имперсонала помимо НЛП является русское предложение со страдат. конструкцией, нельзя не иметь в виду обязательное условие образования русских страдат. глагольных форм: переходность глагола, от которого необходимо образовать данную форму.

Более подробно к факторам, влияющим на перевод эстонских имперсональных предложений на русский язык, обратимся в следующей главе. Кроме того, также опишем и представим в качестве примеров синонимичные варианты перевода на русский язык с помощью активных и пассивных предложений.

Глава II. Об ограничениях в образовании русских залоговых форм, эквивалентных эстонскому имперсоналу

2.1. О несемантических ограничениях в образовании пассивных форм

Прежде чем рассматривать семантические ограничения в образовании пассивных залоговых форм в русском языке, необходимо исключить другие факторы, не позволяющие образовать эти формы.

Ряд формальных факторов налагает ограничение в образовании форм страдат. залога. Среди них – омонимия возвратной и страдат. форм, которая возникает у т. н. о с н о в н ы х возвратных глаголов [Бондарко, Буланин 1967: 152] С. Кочкина обращает внимание на проблему разграничения омонимичных форм с *-ся* и приходит к выводу, что определить, имеем ли мы дело с возвратной или страдат. формой, вне контекста весьма проблематично, классическим примером здесь является предложение: «*Зимой лосями объедаются верхушки молодых деревьев*», где принадлежность формы к страдат. залогу определяется только в контексте предложения [Кочкина 2003: 37]. На основании исследования глаголов НСВ С. Кочкиной можно сделать вывод, что омонимии страдат. и возвратной формы подвержено 14.8%-53.5% соотносительной по виду лексики – в группах профессиональной и т.н. нейтральной лексики соответственно [Кочкина 2003: 41-138].

Помимо семантических и синтаксических ограничений, на образование форм страдат. залога влияют морфологические причины. Необходимо помнить, что страдат. причастия образуются нерегулярно, не все классы глаголов образуют эту форму, в частности, сюда относятся большинство глаголов X класса, а также многие переходные глаголы НСВ разных словоизменительных классов (см. об этом: [РГ 1980 I: 667-674]). Страдат. залог не образуют глаголы СВ преимущественно одноактного способа действия с суф. *-ну-*; и т.н. «необратимые» переходные глаголы со значением движения, перемещения (*миновать, обогнать*), глаголы сниженной стилевой окраски (*затормозить, намарать*); а также глаголы со значением речи, мысли, чувства, восприятия (*чувствовать, жалеть, шептать*) и глаголы, лишь затрагивающее предмет, тогда как их действие не переходит на этот предмет

(*уронить, пощупать*) (см.: [Бондарко, Буланин 1967: 159]). Таким образом, из анализа следует исключить все глаголы, не образующие страдат. залога не по семантическим причинам.

При анализе возможности образования пассивных форм учитывается вид глагола, т.к. «глаголы СВ выражают страдат. залог преимущественно формой краткого страдат. причастия; глаголы НСВ выражают страдат. залог преимущественно возвратным глаголом с постфиксом *-ся* в страдат. значении» [РГ 1980 I: 614]. В общей системе, как уже говорилось, от глаголов НСВ образуются формы возвратного пассива (пассива на *-ся*), а от глаголов СВ – формы страдательных причастий. Из этой системы исключается лексика, у которой продуктивность образования пассива и принадлежность к виду противоположна описанному.

Положение системы образования залоговых форм в русском языке, при котором в языке отсутствуют пассивные возвратные глаголы СВ подтверждается Е. В. Падучевой (см. об этом: [Коломацкий 2009: 50]) в её исследовании русского декаузатива, однако это опровергается В. С. Храковским: *По отъезде Петра, когда срамота еще не забылась, другая срамота нашла на епифанские работы* (А. Платонов); *Арматурой оплетено не только днище, но и стены котлована, все это потом забетонируется, будет сделана гидроизоляция* (В. Чубакова) ([ТФГ 1991: 155]). Данные примеры, а также приведенные Н. В. Перцовым, напр.: *Новые ботинки разносятся за неделю* [Перцов 2003: 45-46]., относятся к двум типам глаголов по классификации З. Вендлера, а именно к глаголам исполнения (*Accomplishments*) и глаголам достижения (*Achievements*) [Vendler 1957: 146-147]. Для первого типа, глаголов исполнения, характерны беспрефиксальный способ образования видовой пары, где глагол СВ выражает мгновенное событие, а глагол НСВ – повторяющееся действие; тогда как для второго, глаголов достижения – префиксальный способ образования видовой пары, с добавочным значением глагола СВ (напр.: *бежать/побегать* – в глаголе СВ добавляется сема ограниченного краткого времени протекания действия). Главный компонент семантики этих глаголов – фиксация мгновенного события. Таким образом, при образовании страдат. конструкций с формой глагола на *-ся* от глаголов СВ проявляется семантическая связь грамматических категорий глагола – вида и залога. При образовании данных

форм важна семантика вида глагола, если в предложении глагол СВ заменить на глагол НСВ, изменятся и признак действия (мгновенное или повторяющееся действие) и характеристика его протекания во времени. С изменением вида глагола на более характерный для данной страдат. формы НСВ, предложение приобретает значение итеративности действия, и, соответственно, теряет семантику единичного ограниченного конкретным временным отрезком или мгновенного действия. Действие также теряет заложенную СВ конкретно-фактическую семантику и становится обобщенным фактом. Также при замене формы вида автоматически может нарушиться семантика времени, напр.:

(3) *Такой оравой все это молоко **выпьется** за два дня*

(4) **Такой оравой все это молоко **выпивается** за два дня*

(5) *Новые ботинки **разносятся** за неделю*

(6) **Новые ботинки **разнашиваются** за неделю*

В примерах (3) и (5) СВ выполняет ту же функцию, что и при образовании простого будущего времени: описываемое им событие произойдет в будущем, это конкретный факт в плане буд. времени. При замене на НСВ событие переносится в наст. абстрактное время (молоко ***обычно** *выпивается за два дня*). В другом случае замена возможна только на сложное буд. время, здесь мы понимаем из контекста (*потом*), что действие происходит в буд. времени, ср.:

(7) *Арматурой оплетено не только днище, но и стены котлована, все это **потом забетонируется**, будет сделана гидроизоляция* (В. Чубакова)

(8) **Арматурой оплетено не только днище, но и стены котлована, все это **потом будет бетонироваться**, будет сделана гидроизоляция*

Таким образом, страдат. формы с глаголами СВ выполняют в предложении функции, обусловленные функциями вида названных выше типов глаголов. В одном случае происходит нейтрализация функции итеративности, а в другом для выражения действия происходящего в буд. времени применяется предназначенный для этого СВ глагол. При этом, напомним, что данные предложения, где при образовании страдат. форм с аналитическим пассивом успешно применяются функции СВ, являются примерами отклонения от общепринятой нормы.

Данное исключение из правила, только подтверждающее правило, а также способствующее реализации обобщенно-фактической и конкретно-фактической функции вида реализуется также и во внесистемной образовании пассивных причастий. Система образования пассивных форм подразумевает, что «семантический план пассива» способствует реализации обобщенно-фактической функции вида, однако, эта функция является центральной именно во внесистемной форме пассивного причастия прошедшего времени НСВ, например: – *Грамота-то когда писана? Год назад писана* (В. Шукшин) [ТФГ 1991: 216-217].

2.2. О влиянии каузативной семантики глаголов на образование пассивных форм

Как уже говорилось, обязательным требованием для образования русской страдат. формы, предъявляемым к глаголу, является переходность. Однако не все переходные глаголы образуют форму страдат. залога и важным фактором, допускающим образование этой формы или, напротив, налагающим запрет на него, является семантика глагола. Предварительные исследования связи семантических групп глаголов с возможностью или невозможностью образования страдат. залога и, тем самым, ограничения количества глаголов, допускающих синонимию форм, показывают, что образование форм страдат. залога затруднено для переходных глаголов каузативной семантики (далее – каузатив). Каузатив обуславливает, порождает что-либо, является причиной чего-л., к каузативам относятся такие глаголы, как: *заставить, засадить, осудить, налечь, неволить* [РСС 2007, IV: 299-300].

При рассмотрении практического материала приходим к выводу, что нельзя говорить о невозможности образования пассива каузативными глаголами, правильнее будет отметить ограничение в образовании некоторых пассивных форм. Попробуем заменить неопределенно-личную форму глагола в примере на синонимичную ей страдательную, пассив на –ся и аналитическую форму с кр. страдат. прич.:

Ja siin	selle-s härra	Tõnissoni	vabariigi-s
И здесь	это-INESS господин:GEN	Тыниссон:GEN	республика- INESS
on	mind	sanitaarkoloneli-ks	ülenda-tud.

быть:AUX:PRS   я:PRTV санитарный.полковник-TRNSL   повышать-PASS:PART.

(9) *А здесь – в республике господина Тыниссона меня **произвели** в полковники медицинской службы.*

(10) **А здесь – в республике господина Тыниссона я **был произведен** в полковники медицинской службы.*

Как видим, от каузативного переходного глагола СВ возможно образование аналитических пассивных форм. Попробуем проанализировать некоторые каузативные глаголы с различной семантикой на предмет выявления глаголов, не образующих пассивных форм. Гипотеза – часть глаголов не обладает потенциалом образования пассивных форм, причем, таких глаголов НСВ (не образующих синтетическую пассивную форму) должно быть больше, они должны совпадать с глаголами СВ (не образующих аналитическую пассивную форму), составляющими видовую пару. Глаголы, неспособные образовать обе пассивные формы должны дополняться глаголами, не образующими пассива только от глаголов НСВ или только от глаголов СВ.

На предмет образования пассивных форм были проверены каузативные глаголы четырех семантических подгрупп¹²: 1) личностные каузативы, представляющие некоторое событие как результат воздействия одного лица на волю другого (*заставить/заставлять*); 2) событийные каузативы, представляющие событие как результат воздействия некоторой ситуации (личной или безличной) на агента действия или состояния (*вынудить/вынуждать*); 3) «двуличные» каузативы, представляющие связь двух агентивных событий механического действия (*кормить/накормить, поить/напоить* и др.); 4) личные каузативы, обозначающие связь двух физических событий – агентивного и безагентного (*убрать/убирать, вымыть/мыть* и др.).

Глаголы были проверены с помощью НКРЯ на предмет образования синтетического пассива от форм НСВ и аналитического – от глаголов СВ. Часть глаголов НСВ (*заставлять, поить, мыть, толкать*) и часть глаголов СВ (*заставить, вынудить, толкнуть*) не образуют соответствующих нормативных форм. Глаголы *поить* и *толкать* образуют маргинальные формы, которые не

---

¹² Была использована семантическая классификация типов каузативных глаголов Н. Д. Арутюновой, см.: [Арутюнова 1976]

учитываются, т.к. рассматриваем нормативное образование, см. пример маргинального образования:

(11) *Хозяйка по утрам работает на гумне, «поится», «кормится» (по-здеиному «поитьця» — значит поить скотину).* (Короленко В. Г. 1880. Письма 1880 г.).

(12) *Знавала я и таких немок, которые, толкнутые в наш проклятый промысел, давились в петле или отравлялись фосфором в olio после первого же гостя.* (Амфитеатров А. В. 1911. Марья Лусьева за границей).

Таким образом, невозможными оказываются такие формы как: [^]заставлен¹³, [^]вынужден, [^]толкнут, [^]заставляется, [^]поится, [^]моется и [^]толкается.

База НКРЯ позволяет выявить некоторые не вполне очевидные формы пассива, так от глагола *вынудить/вынуждать* можно образовать аналитический пассив *вынужден* и кажется невозможной форма *вынуждаться*, см. пример из контрастивной части исследования:

Mispärast	sunni-takse	mind veel	nend-es	asja-de-s	sorima!
Зачем	вынуждать-PASS:PRS	я:PRTV	снова это-PL-INESS	дело-PL-INESS	
копаться.					

(13) *И зачем меня **вынуждают** снова в этих делах копаться!*

(14) *^И почему я снова **вынужден** копаться в этих делах!*

(15) **И зачем я **вынуждаюсь** снова копаться в этих делах!*

Однако, кажущаяся немыслимой форма (52) подтверждается на материале корпуса, ср.:

(16) *Если автор поддается влиянию общественного мнения, он так или иначе **вынуждается** на путь создания ложной картины своей собственной жизни* (Александр Зиновьев. 1988-1998. Русская судьба, исповедь отщепенца)

(17) *Другая сторона (трудовые коллективы и индивидуальные производители) **вынуждается** к унижительной терпимости, лишена права обжалования самоуправства властей в судебные органы* (Павел Бунич. 1991. Есть ли выход? // «Огонек». № 7, 1991).

¹³ Все эти формы невозможно употребить с агентивным дополнением, часть из них употребляется в качестве возвратных форм.

Таким образом, на материале данного небольшого исследования можно сказать, что у каузативных глаголов СВ с семантикой воздействия на волю каузируемого объекта (*заставить, вынудить, толкнуть*) есть затруднения в образовании аналитических форм пассива в отличие от каузативов со значением механического воздействия на объект (*накормить, напоить, вымыть* и др.). Каузативные глаголы НСВ менее продуктивны в образовании пассивных, синтетических, форм. Основной причиной этого может служить омонимия с возвратной формой, образуемой аналогичными формантами (*толкается, моется*), но у части глаголов такие декаузативы сосуществуют со страдат. формами и их принадлежность к той или иной форме выясняется из контекста, см. прим. с возвратной и страдат. формой:

(18) *На работе этот персонаж отбывает повинность от звонка до звонка, после чего, минуя спортивные учреждения, отправляется напрямик домой, где укладывается на диван перед телевизором* (Екатерина Шерга. 2011. Колобки невидимого фронта // «Русский репортер», № 34 (212), 1 сентября 2011).

(19) *Легко укладывается, не собирает пыль, мыть его — одно удовольствие, неприхотлив и служит долго* (Елена Волкова. 2002. Тот самый линолеум // «Биржа плюс свой дом»).

Ограничение при образовании синтетической формы пассива подтверждается тем, что, приводя примеры из русского языка, типологи обычно говорят о пассивных и пассивно-потенциальных значениях именно антикаузативных морфем, таких как *строить* → *строиться* и *пить* → *питься* (легко, хорошо и т.п.) [Недялков, Сильницкий 1969: 40-41].

2.3. Влияние глагольной семантики на образование пассивных форм

Исключив все не связанные с семантикой причины ограничения на образование страдат. залога, приходим к выводу, что особое внимание теперь нужно уделять способу глагольного действия и характеру субъекта, выполняющего это действие. В интерпретации семантических групп глаголов учитываем классификацию глаголов Зино Вендлера, разделившего их по способам действия (термин З. Вендлера, который отличается от общепринятого) на глаголы исполнения (*Accomplishments*), глаголы

деятельности (*Activities*), глаголы достижения (*Achievements*) и глаголы состояния (*States*) [Vendler 1957: 146-147], . Г. А. Золотова характеризует субъект пассива по качеству, «субъект должен быть настолько активен, чтобы результат этой активности сохранялся в объекте и после прекращения взаимодействия» и подчеркивает важность акционального значения глагола [Золотова 1998: 332].

Существование связи между значением глагольной лексемы и ее потенциалом для образования страдат. залога отмечал В. С. Храковский. Помимо семантики глагола, потенциальную возможность для образования страдат. залога определяет заполненность его семантических ролей, (активного) субъекта и (инертного) объекта. Глаголами с обеими заполненными ролями являются «обозначающие конкретные физические действия субъекта с объектом, имеющие следствием эксплицитно наблюдаемые результаты <...> предельные глаголы (типа *открывать, строить, убивать* и т.п.), составляющие значительную часть глагольной лексики любого языка». По другую сторону в этой системе потенциальной возможности образования страдат. залога находятся глаголы "не-действия", которые на это не способны, это глаголы меры, веса, наличия, содержания, отношения (*иметь, стоить*) [Храковский 1999: 70].

Уже были отмечены семантические группы глаголов, помимо неакциональных, не образующие страдат. залога, сюда входят глаголы перемещения, движения (*миновать улицу*), восприятия (*видеть сон*), глаголы «ментальных состояний» (*помнить историю*), чувства (*любить брата*) [Кочкина 2003: 18]. Однако были сделаны выводы, что во всех этих группах встречаются исключения, т.е. помимо семантической составляющей, на потенцию образования пассива оказывает влияние другой фактор, а именно – стилистика. Таким образом, глаголы разных семантических групп со сниженной стилистической окраской (*морочить голову*) не образуют страдат. залога, также с небольшими исключениями. С. Кочкина отмечает, что неестественными кажутся пассивные образования лишь от некоторых простречных глаголов, от большинства же они возможны.

Исходя из замечания Ж. Вейренка в процессе анализа семантических групп глаголов, нами был сделан вывод о том, что особое внимание при анализе залоговых форм стоит уделять т.н. синтетическому пассиву или пассиву на *–ся*, т.к. «синт.

пассив представлен всего одного словоформой», в отличие от страдат. форм причастий и, к тому же, «нормально функционирует в наст. вр. в отличие от аналитич. пассива» [Вейренк 1995: 289].

Добавим, что возможность образования страдат. формы проверялась по НКРЯ, однако нужно учитывать, что в нем существуют не зафиксированные нормой окказиональные формы.

Как уже было отмечено, некоторые глаголы с семантикой мышления, чувства, воображения не обладают потенциалом образования страдат. формы. Сюда же относятся глаголы с семантикой познания, изучения, обладания знаниями, запоминания, желания, стремления, терпения и др. (глаголы НСВ *думать, знать, алкать, вожделеть* и др. при образовании форм на *-ся*, а также глаголы СВ *спознать, уразуметь, впитать*, ср. *это было впитано с молоком матери, разворошить, упомнить, расхотеть, выдержать* и др. при образовании страдат. прич.). Глаголы этой группы являются преимущественно глаголами состояния.

Среди глаголов, объединенных по семантическому признаку в группу «Контакты» можно выделить те, для которых образование пассивных форм затруднено. Преимущественно, это глаголы деятельности с семантикой прельщения, подстрекательства, соблазнения, обмана, хитрости, причинения беспокойства, успокоения, одоления, воспитания, ухода, присмотра, отправления таинств, погребальных ритуалов, народных обрядов и т.д. (глаголы, для которых образование пассивных форм затруднено: *вербовать, впутывать, искушать, одурачивать, запутывать, миловать, щадить, присмирить, угомонить, успокоить, выиграть, обойти, баюкать, крестить, погребать, заворазживать* и др.).

Отдельную группу глаголов, не образующих залоговой диатезы, составляют глаголы с семантикой обмена информацией. Сюда относятся глаголы деятельности из различных подгрупп: *знакомить, спросить, вещать, прочить, сморозить, бранить, ругать*; а также глаголы состояния: *бормотать, бубнить, лепетать, мямлить*. Семантическое ограничение в образовании страдат. форм для этих глаголов связано с тем, что объект при этих действиях является избыточным и здесь наиболее ярко проявляется синонимия залоговых и неопределенно-личных форм.

Обширная группа глаголов из области сельскохозяйственной деятельности, обращения с животными, лесных и др. работ однозначно не образуют страдат. залога при отсутствии прочих ограничений, кроме семантических (возможно, также стилистических). Здесь можно назвать такие глаголы, как *бороздить, боронить, мотыжить, пахать, вьючить, оседлывать, уздать, валить (лес), гнать (спирт), рубить, дубить, трепать (коноплю, пеньку)*, и др. Попытки образования от этих глаголов пассива на *-ся* приводят к невозможности разграничить неопределенноличность и безличность: *поле боронится*. На практике, в текстах, описывающих специфику сельскохозяйственной деятельности, избегают использования данной лексики и предпочитают такие конструкции, как «*<...> занимались в основном мотыжным земледелием <...>*» и «*<...> возникло пашенное земледелие <...>*» (История Эстонии 2000).

Похожими на глаголы сельскохозяйственной семантики по способу действия являются глаголы с семантикой медицинских действий: обследования, диагностики, лечебных процедур; это глаголы *щупать (пульс), смотреть (больного), слушать (bronхи), колоть (витамины)*. В текстах медицинской тематики, где представлены данные лексемы, используются неопределенно-личные формы глагола, императив, а также безличное употребление, напр.: «*Подкожные инъекции производят иглой самого маленького диаметра <...>*», «*<...> прощупайте следующие анатомические образования <...>*», «*<...> перед выполнением инъекции необходимо еще раз прочитать назначение врача <...>*» и т.д. (Уход за больными 2008).

Из глаголов класса достижения по классификации З. Вендлера можно отметить немногие, такие как *брать (в жены), брать (специалистов), насажать (всюду своих родственников)*.

Таким образом, были отделены все глаголы, не образующие страдат. залога по каким-л. причинам, кроме семантических. Затем были выявлены распределенные по семантическому параметру группы глаголов, не образующие пассивного члена залоговой диатезы. Наиболее ярко это ограничение проявляется в пластах глагольной лексики с семантикой речи, медицинских действий и сельскохозяйственной деятельности.

Выводы

Целью данной главы магистерской работы было определение семантических ограничений в образовании глагольных страдат. форм в рус. языке.

Необходимо исключить все несемантические причины, препятствующие образованию страдат. форм. Среди них такие очевидные формальные причины, как непереходность глаголов и их видовая принадлежность, ограничивающая образование форм причастий от глаголов НСВ и форм синтетического или возвратного перфективного пассива от глаголов СВ. В свою очередь, здесь мы сталкиваемся с тем, что данная оппозиция не является абсолютной и с помощью методики трансформации на примерах из посвященных данной тематике предшествующих работ В. С. Храковского и Н. В. Перцова показываем, какие необходимые семантические функции глагольных форм сохраняются при таком неканоническом видо-временном употреблении.

Глаголы с каузативной семантикой рассмотрены отдельно как потенциально ограниченные в образовании страдат. форм. Приходим к выводу, что каузативная семантика глагольной лексики не налагает однозначного ограничения на образование пассивных форм. На материале данного небольшого исследования корреляции каузативной семантики и потенциала образования страдат. форм можно сказать, что у каузативных глаголов СВ с семантикой воздействия на волю каузируемого объекта (*заставить, вынудить, толкнуть*) есть затруднения в образовании аналитических форм пассива в отличие от каузативов со значением механического воздействия на объект (*накормить, напоить, вымыть* и др.). Каузативные глаголы НСВ менее продуктивны в образовании пассивных форм с постфиксом *-ся*. Основной причиной этого является омонимия страдат. и возвратной формы, образуемых аналогичными формантами (*толкается, моется, кормится*), но у части глаголов такие декаузативы сосуществуют со страдат. формами и их принадлежность к той или иной форме выясняется из контекста.

После предварительной работы по отделению глагольной лексики, не образующей страдат. форм по несемантическим причинам, был проведен отбор глагольной лексики, для которой образование страдат. форм затруднено, т.е. была

проделана работа для достижения непосредственной цели данной главы магистерского исследования.

Отбор анализируемых глаголов был сделан методом исключения лексики, неспособной образовать формы страдат. залога по несемантическим причинам. Были учтены требования к виду при образовании аналитических и синтетических страдат. форм и выделены группы глаголов, связанные общей семантикой и ограниченные в образовании страдат. форм. Наши выводы говорят о том, что наиболее ярко ограничение в образовании страд глагольных форм проявляется в пластах глагольной лексики с семантикой речи, медицинских действий и сельскохозяйственной деятельности.

Глава III. Факторы, влияющие на перевод, и варианты перевода форм эстонского имперсонала

3.1. Вариативность глагольных форм при переводе эстонского имперсонала

Синонимия страдательной или неопределенно-личной формы перевода эстонского имперсонала наглядно проявляется на данных примерах, отображающих одно и то же положение дел:

Aga mispärast arva-takse, et isa ei ole-ks pida-nud

Но почему думать-PASS-PRS что отец NEG быть-COND:3SG долженствовать-PRT:PART
härra Willigerode vastu aupaklik ole-ma?

господин:GEN Виллегероде:GEN к почтительный быть-SUP.

(20) *И почему, собственно, **думают**, что отцу не следовало быть с господином Виллегероде почтительным?*

Сравним с:

Mis õiguse-ga arva-takse, et ta ole-ks pida-nud

Что право-COM считать-PASS-PRS что он быть-COND:3SG долженствовать-PRT:PART
Willigerode vastu häbematus üles näita-ma?!

Виллегероде к бесстыдство-PART наверх.показывать-SUP

(21) *На каком основании **считается**, что ему надлежало вести себя по отношению к господину Виллигероде бесцеремонно?*

Наиболее частотными конструкциями для перевода эстонского имперсонала являются русские формы страдат. залога и НЛП действ. залога. В общем случае, когда нет никаких грамматических или стилистических ограничений, эстонский имперсонал может быть переведен на русский язык обеими, страдат. и действ., формами.

Noorema kiviaja algust määratle-takse

Новый:GEN:СМР каменный.век:GEN начало:PART определять-PASS:PRS
sageli ka savinõu-de kasutuselevõtu järgi.

часто тоже/также глиняная.посуда:GEN-PL начало.использования:GEN по.

(22) *Время начала неолита нередко **определяют** и по появлению глиняной посуды.*¹⁴

(23) **Время начала неолита нередко **определяется** и по появлению глиняной посуды.*¹⁵

Эти формы, по определению Е. В. Падучевой, соотносятся как синтаксически синонимичные, т.к. категория залога позволяет преобразовать синтаксическую конструкцию, что и является условием появления синтаксической синонимии [Падучева 1974: 21]. Поскольку мы говорим о переводном тексте, в нем должны учитываться условия, обязательные как для образования правильной грамматической формы в русском предложении, в данном случае формы страдат. залога, так и заложенные в эстонской форме имперсонала в оригинале текста.

Однако возможность перевода обеими формами ограничена типом глагола. Как было отмечено в теоретической части магистерской работы, непереходные глаголы не образуют страдательных форм. Помимо непереходных глаголов ограничение в образовании страдательной формы налагает лексико-семантическая принадлежность глагола.

Отметим, что категория залога в русском неэквивалентна той же категории в эстонском языке. В русском языке залог характеризует отношения между подлежащим и действием в предложении. «Действительный залог (актив) представляет собой систему форм, показывающих ненаправленность глагольного действия на предмет, обозначенный подлежащим: *Садовник вскапывает грядки*. Страдательный залог (пассив) представляет собой систему форм, показывающих направленность глагольного действия на предмет, обозначенный подлежащим, например: *Грядки вскапываются садовником*» [Буланин 1986: 3]. В эстонском же имперсонале действие производит неопределенное, обязательно одушевленное лицо, а в предложении реализуется прежде всего неопределенно-личное значение (*Uksele koputatakse – В дверь стучат*). Кроме неопределенности и одушевленности субъекта действия в обоих языках, обязательным условием перевода эстонского имперсонала

---

¹⁴ Источники анализируемого материала см. в конце данной магистерской работы.

¹⁵ Здесь и далее, условные обозначения: ^Пример – грамматически невозможная форма, *Пример – грамматически верная, реконструированная с помощью другого залога, форма. При выборе переводчиком пассивной конструкции, реконструируется активная форма и, соответственно, наоборот.

с помощью пассива является переходный глагол в русском предложении [Кюльмоя, Вайгла, Солль 2003: 89-91].

При грамматической допустимости выбора обеих конструкций предложения, страдательной и неопределенно-личной, значимыми являются их функциональные особенности. Страдательная конструкция выбирается в том случае, когда «субъект действия по сравнению с неопределенно-личными конструкциями актива представлен вообще как несущественный в своей конкретности и без признака активности, а в трехчленных конструкциях по сравнению с определено-личными конструкциями актива – как второстепенный для высказывания, ср.: *Этот дом был построен в прошлом веке – Этот дом был построен известным архитектором – Этот дом построил известный архитектор*». Кроме того, «фокусировка объекта в высказывании часто диктуется текстовыми связями предложений: пассив служит средством объединения предложений, повторно обозначая объект и делая его центральным предметом высказывания, <...> эту же функцию страдательный залог выполняет и по отношению к субъекту, который назван непосредственно в предыдущем контексте и подразумевается страдательным залогом» [Лопатин, Милославский, Шелякин 1989: 201-202].

Хотя страдательные и соответствующие неопределенно-личные конструкции являются синонимичными, в некоторых случаях они не являются взаимозаменяемыми. Л. Л. Буланин приводит примеры страдательных предложений, которые невозможно употребить в неопределенно-личном значении из-за возникающей двусмысленности (*Товарищ Оптимистенко! Почему не приняты меры?* [Маяк.]) или они не допустимы нормой языка, как в случае перформативного высказывания (*Именем Советской власти вы арестованы!*) [Буланин 1986: 48-51]. Синонимия страдательных и неопределенно-личных конструкций является относительной, оттенки их грамматического значения различаются в контексте [Холодович 1974: 29].

Кроме традиционных, страдательной и неопределенно-личной, форм перевода существуют и другие возможности. Так, эстонский имперсонал может переводиться на русский язык другими глагольными формами в неполном предложении, которые мы понимаем в соответствии с определением М. А. Шелякина: «Полные

предложения — это предложения, в которых выражаются все необходимые смысловые компоненты сообщаемой информации. Неполные предложения — это предложения с опущенными языковыми компонентами из состава полных предложений. Вне соответствующего текста или речевой ситуации неполные предложения не характеризуются как семантически самодостаточные предложения» [Шелякин 2001: 180]. В неполном предложении субъект действия выражается имплицитно, к примеру:

Näh, või minu-le ant-akse suppi ainult jaopoole-st!

Ах или я-ALL давать-PASS:PRS суп:PRTV только порция-EL

(24) *Ах так, суп мне порциями будешь выдавать!*

Субъект в данном предложении выражен имплицитно – присутствует в контексте (*Он безропотно сносил все ее причуды, но когда жена стала подавать суп на стол в тарелках, тут уж терпение у него лопнуло, и он как грохнет кулаком об стол: «Ах так, суп мне порциями будешь выдавать!»*), кроме того, в окончании русского глагола СВ настоящего-будущего времени заложено 2-ое лицо – «ты».

В богатом арсенале средств перевода эст. имперсонала на рус. язык помимо традиционных страдат. и неопределенно-личных конструкций, а также неполных предложений, встречаются безличные предложения, например:

Sirginime-se liik-e tunt-akse juba päris palju ja nende

Прямо.человек-GEN вид-PRTV:PL знать-PASS:PRS уже довольно много и они:PL

jäänus-eid on lei-tud Aafrika-st, Euroopa-st ning Aasia-st.

останки-PRTV:PL AUX найти-PASS:PRT Африка-EL Европа-EL и Азия-EL.

(25) *В Африке, Европе и Азии известно довольно много находок этого вида.*

Варианты перевода двусоставными предложениями рассмотрим подробнее, т.к. именно перевод имперсональных конструкций двусоставными проявляет семантику имперсонала и позволяет стратифицировать разные типы агенсов, причем, этот тип агенса НЛП находится в центре поля неопределенноличности полицентрического поля персональности.

3.2. Перевод двусоставными предложениями

Помимо неполного предложения формой передачи эстонского имперсонала может служить русское двусоставное предложение с эксплицитно выраженным

субъектом. Такие предложения не имеют неопределенно-личного значения. Обратимся к примеру:

Ja et neid pärast härra Valujevi poolt pitsita-ti.
И что они:PART потом господин Валуев сторона:ABL прижать-PASS:PRT
ja mõni Siberi-sse läks, polnud meie isa süü.
и некоторый Сибирь-ILL идти:IMPF:2SG AUX:NEG:IMPF мы:GEN отец:GEN вина.

(26) *А что их потом прижал **господин Валуев**, а кто и в Сибири оказался, в этом уже наш отец не повинен.*

Эстонское предложение является имперсональным, агентивное дополнение вводится конструкцией с *poolt*. Субъектом выступает конкретное лицо, названное по имени, что относит такое употребление на периферию нормы эстонского языка, если только за субъектом не стоит неопределенный, множественный круг лиц – исполнители предидирующего компонента предложения. В переводе представлено русское сложноподчиненное предложение с выраженным субъектом и предикатом в главной части – двусоставном предложении.

Помимо основных вариантов перевода, НЛП, кратких страдательных причастий СВ (*сражение выиграно*) и спрягаемых форм со страдательным значением, образованных постфиксом *-ся*, в НСВ (*сражение выигрывается*), систематически встречающимся вариантом перевода имперсонала является двусоставное предложение, сохраняющее семантику неопределенно-личности. В таких примерах выступают только определенные лексемы-агенты действия, обычно выступающие в качестве агентов обобщенно-личного предложения. Они также представлены в предложениях с неопределенно-личным значением и относятся В. Г. Гаком к онтологическому центру способов выражения неопределенно-личного значения [ТФГ 1991: 76], к примеру:

Iga-l pool, kus me oma nägu näita-me,
Каждый-ADESS сторона:ADESS, где мы свое лицо:GEN показывать-PRS:1PL
piste-takse pead kokku ja haka-takse sosistama...
склонять-PASS:PRS голова-PL вместе и начинать-PASS:PRS шептать(ся).

(27) *Всюду, где бы мы ни появлялись, **люди** сразу начинают между собой шептаться...*

Так же, как в предыдущем примере, представлено эстонское имперсональное предложение из оригинального текста. В русском переводе появляется агенс – *люди*, обыкновенно употребляемый в обобщенно-личных предложениях типа *Все люди – родственники, Раньше люди были более ответственны*, и придающий действию дополнительное значение итеративности [Храковский 1987: 26-27; Кирвесмяки 2010: 336]. Однако в данном примере отсутствует обобщенно-личное значение: говорится о конкретной ситуации, в конкретной пространственно-временной рамке, здесь субъектом является неопределенный, но ограниченный круг действующих лиц и смысловой оттенок итеративности (в противоположность вневременности, константности обобщенно-личного значения) позволяют однозначно считать этот субъект неопределенным и фиксированным, что позволяет рассматривать его вместе с глагольной формой в качестве допустимого соответствия эстонскому имперсоналу.

Е. В. Падучева называет эту лексему квантором, *люди* – все одушевленные агенсы, совокупность субъектов-антропонимов, которым приписывается часть действия или все действия в предложении [Падучева 1974: 82]. Интерес представляет сложносочиненное предложение с неопределенно-личным предикатом в первой части и двусоставным предложением во второй. Квантор обобщает как неназванный субъект неопределенно-личного действия, так и предикат, к которому он непосредственно относится, посмотрим на примере:

Siis teh-ti koosolek ja Kadi jutu järgi oli-d inimese-d

Тогда делать-PASS:PRT собрание и Кади рассказ:GEN по быть-3PL:PRT люди-PL

nagu pärmisisse söö-nud, kõik kääri-s üles.

как дрожжи:GEN внутрь есть-PRT:PART все бродить-PRT:3SG вверх.

(28) *Тогда устроили собрание и, по словам Кади, люди словно наглотались дрожжей, все так и бродило.*

Эксплицитно выраженный агенс «люди» появляется в русском предложении и не всегда является необходимым для грамматически корректной передачи смысла эстонского предложения, напр.:

Kaluri-d püüd-si-d muudkui edasi, kombinaat ei jaksa-nud

Рыбак-PL ловить-PRT-3PL только дальше комбинат NEG мочь-PRT:PART

vastu võtta, loomust läk-s hukka, linnarahvas aga

принимать улов:PART пропадать-PRT:3PL город.народ но

nõudi-s ajalehte-de-s värsket kala ja kohviku-te-s
требовать-PRT:3PL газета- PL-INESS свежий:PRTV рыба:PRTV и кафе-PL-INESS
jälle räägi-ti jumal tea-b mis.
опять говорить-PASS:PRT бог знать-PRS:3SG что.

(29) *Рыбаки знай себе ловили, комбинат оказался не в состоянии принимать рыбу, улов пропал зазря, а в городах газеты требовали свежей рыбы, и люди в кафе говорили бог знает что.*

(30) **Рыбаки знай себе ловили, комбинат оказался не в состоянии принимать рыбу, улов пропал зазря, а в городах газеты требовали свежей рыбы, и в кафе говорили бог знает что.*

И. А. Мельчук предложил включать такие партиципаны неопределенно-личных, безличных и обобщенно-личных предложений как нулевые лексемы Ø^{люди}, Ø^{стихия} и Ø^{любой} в словари с подробным описанием их синтаксических свойств [Мельчук 1974: 352]. Функции выражения неопределенноличности слова «человек» и его метонимических заместителей («тело», «голова») отмечаются также во франц., нем. и англ. языках, это онтологический центр способов выражения неопределенноличности [ТФГ 1991: 76-78].

3.3. Функциональные стили речи и залоговые формы

Существует некоторый ряд условий, кроме грамматических и стилистических ограничений, исходя из которых выбирается залоговая форма для перевода имперсонала с эстонского языка. Одно из таких, весьма облигаторных и нерегулярных, функционально-стилевых условий – соответствие формы функциональному типу текста. Г. А. Золотова, на примере текста В. Бианки, отмечает, что актив и пассив может принадлежать разным текстovým регистрам: пассив в большей степени присущ репродуктивно-описательному, а актив – информативно-повествовательному регистру. Причем предложение страдательного залога обычно образуется, когда говорящий хочет представить вместе «данные прямого наблюдения и элементы не сиюминутного, неактуального (во временном значении этого термина) знания» [Золотова 1998: 329].

Выбор глагольной формы и, как следствие, формы предложения, страдательной или действительной, соотносится с функциональным типом продуцируемого текста.

Если художественный текст обладает максимальной свободой выбора стиливых ресурсов, то в научном стиле такой выбор значительно более ограничен. Отмечено, что экстралингвистическими признаками научного стиля являются «точность, абстрактность, логичность и объективность, <...> стремление к обобщению», что в глаголе выражается в предпочтении формы 3-го лица, обладающей большей степенью абстрактности [Кожин, Крылова, Одинцов 1982: 92-95].

Кроме того, на материале художественных и научных текстов было замечено распределение страдат. конструкций и действ. форм НЛП. В контрастивном исследовании проблем перевода эстонского имперсонала на русский язык была приведена гипотеза, согласно которой в переводе художественного и разговорно-бытового текста преобладают НЛП, а в переводе научного – пассивные предложения [Щаднева 1996: 212]. В. П. Щаднева говорит о страдательных формах НСВ, ниже мы рассматриваем страдательные предложения как целое, включая как НСВ с формообразующим –ся, так и краткие страдательные причастия СВ вместе, так как функционально они не различаются.

Квантитативный метод исследования на небольшом объеме материала (83 предложения) показывает корреляцию: форма предложения – тип текста. Гипотеза В. П. Щадневой о преимущественном переводе художественных и разговорно-бытовых текстов НЛП, и, соответственно, предложений научного текста страдательными формами, нашла свое отражение и получает доказательство на рассматриваемом материале.

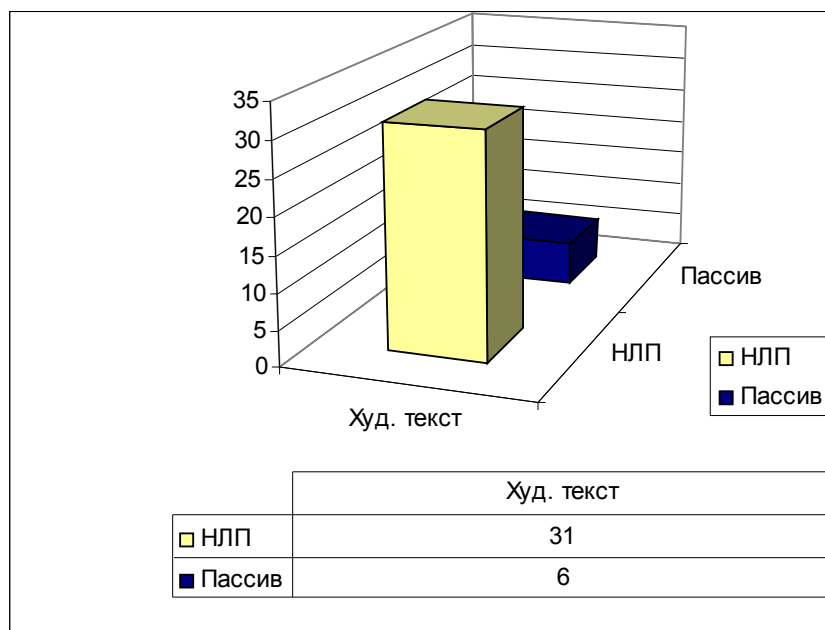

Рис. 1.

В художественном тексте преобладают НЛП (Рис. 1.), в тексте учебника – пассивные предложения (Рис. 2.). Это обусловлено меньшей степенью включенности, отстраненностью субъекта действия в пассиве, что придает предизируемому компоненту большую объективность, абстрактность – а это является функциональной особенностью научного стиля. В НЛП говорящий может сближаться или отстраняться от субъекта – менять фокус эмпатии, что добавляет оценочности, свойственной художественному тексту. Сравним:

Üheainsa pika ja madala kivimaja pärast
 Один.единственный:GEN длинный:GEN и низкий:GEN камень.дом:GEN из-за
 võe-ti tore männik maha ja ümbrus sai
 брать-PASS:PRT замечательный сосновый.лес вниз и округ стать:PRT:3SG
 luulageda-ks nagu kõik teise-d paiga-d mujal-gi,
 череп.лысый-TRNSL как все остальной-PL место-PL в.других.местах-CL:ADESS
 kuhu miski peale ehita-takse.
 куда что-то наверх строить-PASS:PRS.

(31) Из-за одного длинного и приземистого каменного дома **вырубили** целый клин доброго соснового леса, а округа стала лысой, впрочем, как и все подобные места, где что-нибудь строится.

Аналогичный пример:

Kolm poissi lange-s Punaarmee-s,

Три мальчик:PL:GEN погибать-PRT:3SG Красная.Армия-INESS

üks tape-ti koonduslaagri-s Saksamaa-l.

один убить-PASS:PRT концлагерь-INESS Германия-ADESS

(32) Погибли все. Три сына на фронте, одного в Германии, в концлагере **убили**.

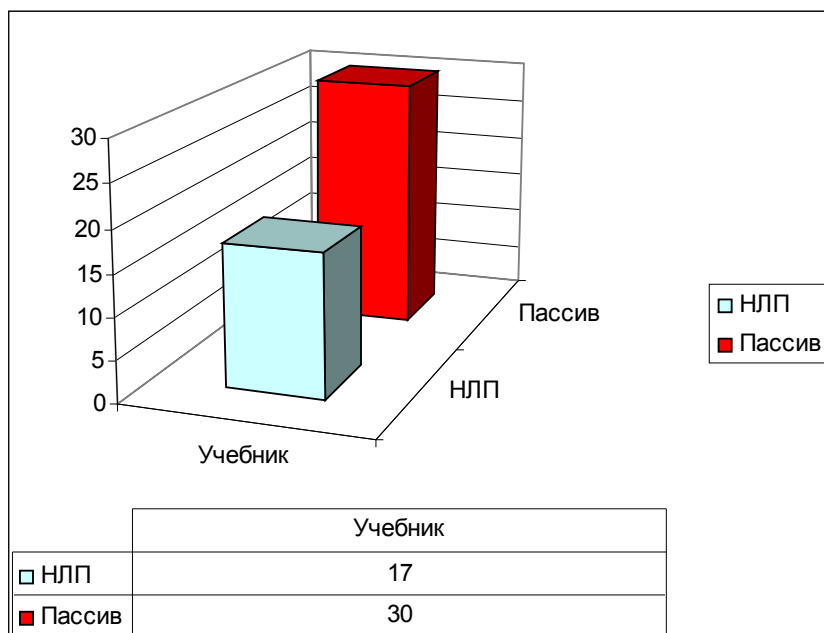

Рис. 2.

Действие, производимое неопределенной группой лиц, явно оценивается говорящим как негативное, его результат также имеет отрицательные коннотации. Данный пример является классическим при рассмотрении двучленных пассивных несинонимичных форм, действующих в бессубъектном предложении, ср.: 1) *Солдата убили* 2) *Солдата убило* 3) *Солдат был убит*. Причем, если в последнем примере, в котором снята оппозиция личный – неличный сюжет, действие является результатом процесса, а во втором действие является неприятным, но непреднамеренным, то первое предложение представляет из себя наиболее

концентрированный пример отрицательно оцениваемого действия, т.к. субъект здесь активный и личный, хоть и доподлинно неизвестный [Холодович 1974: 27]. Неопределенно-личная форма в прошедшем времени не имеет лица, действие может быть присвоено как 1-му («мы»), 2-му («вы») так и 3-му («они») множественному лицу. Автор полностью абстрагируется от «они»-субъекта, однако в такой «мы»-субъект в некоторой степени включает и себя, сравним:

Või vali-ti see poeg siis asjatult kümne
Или выбрать-PASS:PRT этот сын тогда напрасно десять:GEN
väljamaa teadusliku seltsi liikme-ks ja Varssavi ja
заграница:GEN ученый:GEN совет:GEN член-TRNSL и Варшава:GEN и
Rostovi ülikooli professori-ks?!
Ростов:GEN университет:GEN профессор-TRNSL

(33) *Или, может быть, напрасно **избирали** её сына Эльмара членом десяти заграничных учёных обществ и профессором Варшавского и Ростовского университетов?!*

Из предшествующего контекста ясно, что говорящий включает и себя в число лиц, производящих эти действия. Он рассказывает о блестящих достижениях членов своей семьи (семьи Янсенов) в общественной жизни, успехах в университете, профессии и искусстве, сближая описываемых персонажей с прогрессивной частью общества. Своего оппонента, журналиста господина Пальма, опубликовавшего памфлет на отца рассказчика, И. В. Янсена, говорящий стремится отдалить от положительно оцениваемых деятелей, саркастически спрашивая: *«Позвольте, однако же, спросить, какой из университетов удостоил господина Пальма пальмой победы?»*

Таким образом, в НЛП действительного залога проявляется оценочность, свойственная художественному стилю в гораздо большей степени, чем научно-популярному, где преобладают страдательные конструкции. Оценочность может проявляться в тексте художественной литературы на грамматическом уровне – в неопределенно-личных формах глагола прошедшего времени, когда говорящий относит себя к исполнителям совершенного действия или, наоборот, стремится отстраниться от действия, если оно имеет для него негативный оттенок.

Пассиву же свойственна большая объективность, отстраненность от производителей действия. Действие здесь происходит как бы само по себе, оно скорее близко к бессубъектному. Например:

Nende naisekujukeste tähenduse suhte-s on teh-tud mitmesuguseid oletusi.

Они:GEN женщина.образ:PL:GEN значение:GEN отношение-INESS AUX:PRS делать-PRTC:PASS разный:PL:PART предположение:PL:PART.

(34) *О том, что обозначают эти фигурки, **делались** различные предположения.*

Arheoloogide uurimistöõ tulemuste-ga võrrel-dakse

Археологи:PL:GEN исследование:GEN результат-KOM:PL сравнить-PASS:PRS

etnoloogia (rahvateaduse) andmeid veel hiljaaegu tsivilisatsiooni tekke

этнология:GEN данные:PL:PART еще ранний цивилизация:GEN образование:GEN

staadiumi-s ol-nud rahvaste ühiskonna-st, eluolu-st ja kultuuri-st.

стадия-INESS AUX-PRT народ:PL:GEN общество-EL быт-EL и культура-EL.

(35) *С результатами археологических исследований **сравниваются** данные этнологии об уровне развития общества, образе жизни и культуре народов, еще недавно находившихся на стадии возникновения цивилизации.*

3.4. Агенс

Кроме типа текста, важным фактором при выборе форм представляется агенс – производитель действия. В страдательном предложении производитель действия может быть выражен агентивным дополнением: *Этот дом был построен известным архитектором*; или формально не выражен, так же как в НЛП: *Дом построили*. В любом случае в предложении есть, выраженный или скрытый, субъект действия – агенс (лат *agens* - действующий). Семантическая функция агенса – обобщать множество реальных исполнителей действия, «агенс действия» предполагает одушевленного участника события, его намеренного инициатора, который контролирует это действие и является «источником энергии этого действия» [ЛЭС 1990: 17].

Г. А. Золотова характеризует субъект пассива по качеству, «субъект должен быть настолько активен, чтобы результат этой активности сохранялся в объекте и после прекращения взаимодействия» и подчеркивает важность акционального значения глагола [Золотова 1998: 332]. Однако надо учесть, что в переведенных предложениях

уже реализовано акциональное значение при образовании пассивной формы или активной неопределенно-личной формы. При этом НЛП является сравнительно более акциональной формой, т.к. она образована на базе формы актива 3 л. мн.ч. наст. вр., непосредственно передающей действие. Тем не менее именно характер агенса представляется важным при выборе формы глагола, содержащей в себе действие и, имплицитно, – производителя этого действия. В конструкциях, основным значением которых является выражение неопределенного или неназываемого субъекта, наиболее важным представляется не качество агенса, а степень его неопределенности, классификация которой была приведена в статье И. П. Кюльмоя и В. П. Щадневой. Были выделены следующие типы агенса:

А. Одушевленно-личный

1. **Неопределенный фиксированный** – ограниченный круг лиц, имеется уточнение в тексте.
2. **Неопределенный нефиксированный** – контекст не содержит уточнений.
3. **Обобщенный** – любой возможный субъект, встречается в предложениях, пословицах, поговорках, афоризмах, т. е. в гномических высказываниях.
4. **Определенный** – конкретный агент, связан с конкретной ситуацией.

Б. Одушевленно-неличный – животные, насекомые [Кюльмоя, Щаднева 1999: 96-101].

Исходя из специфики практического материала, при анализе используются только одушевленно-личные подтипы, кроме обобщенного. Для анализа практического материала представляется необходимым выделить еще 2 подтипа одушевленно-личного агенса. Первый агент, **определенный фиксированный**, выражен эксплицитно в формально двусоставном предложении:

Ja et neid pärast härra Valujevi poolt pitsita-ti ja mõni

И что они:PART потом господин Валуйев:GEN сторона:ABL прижать-PASS:PRT и некоторый

Siberi-sse läks, polnud meie isa süü.

Сибирь-ILL идти:IMPF-3SG AUX:NEG-PRT мы:GEN отец:GEN вина.

(36) *А что их потом прижал господин Валуйев, а кто и в Сибири оказался, в этом уже наш отец не повинен.*

Второй – это такой агенс, который не назван в предложении, но легко выясняется из контекста, т.к. этот агенс по сути является темой всего текста, именно об этой группе лиц идет речь в рассматриваемом дискурсе. Такой групповой тематический агенс был назван **определенным нефиксированным**. Он близок по своему выражению к определенному, но отличается тем, что за действием стоит не Я/Мы, а Он/Они-субъект:

Hieroglüüfid vði hieraatilised märgid maali-ti selle pintsli-ga.

Иероглиф:PL или иератический:PL знак:PL рисовать-PASS:PRT это:GEN кисть-COM.

(37) *Иероглифы или иератические знаки **наносились** на него тонкой кисточкой.*¹⁶

Необходимо помнить, как важен контекст при анализе залоговых форм глагола. Это было отмечено на уровне «словоформа – контекст предложения» в работе А. В. Бондарко и Л. Л. Буланина, посвященной русскому залогу, но в нашей работе следует обращаться к информации во всем тексте. Так, для определения типа агенса, нужно установить, стоит ли кто-то конкретный и если да, то кто, за имплицитным субъектом:

Aga mispärast arva-takse, et isa ei ole-ks

Но почему думать-PASS-PRS что отец NEG быть-COND:3SG

pida-nud härra Willigerode vastu aupaklik ole-ma?

долженствовать-PRT:PART господин Виллегероде к почтительный быть-SUP.

(38) *И почему, собственно, **думают**, что отцу не следовало быть с господином Виллегероде почтительным?*

Агенс можно квалифицировать как неопределенный фиксированный, т.к. в этом предложении действует не столько вся общественность, обсуждающая вопрос деловых связей Й. В. Янсена, сколько конкретная личность, к которой на протяжении всего рассказа обращается герой Я. Кросса – господин Пальм.

Исходя из всего сказанного выше, сделаем вывод, что выбор страдательной или действительной формы при грамматической возможности обеих может быть обусловлен двумя основными факторами: внешним – стилем текста, в котором функционирует предложение и внутренним – степенью неопределенности

---

¹⁶ Здесь агенс – древние египтяне, т.к. предложение взято из текста, описывающего культуру и быт жителей древнего Египта.

имплицитно выраженного деятеля, то есть одним из типов агенса, приведенных выше.

3.5. Варианты перевода, зависящие от типа агенса

Переводчик обоснованно выбирает одну и ту же форму предиката при общем агенсе, например:

Kui varajaste inimahvide luid on
Если/когда ранний:GEN:PL человеческий.обезьяна:GEN:PL кость:PART:PL AUX:SG:PRS
lei-tud mitme-st maailmajao-st, siis australopiteekus-i
найти-PASS:PRT несколько-EL мир.часть-EL тогда австралопитек-PRTV:PL
tun-takse vaid Aafrika-st.
знать-PASS:PRT только Африка-EL

(39) Если костные останки человекообразных обезьян **найденны** во многих частях света, то кости австралопитеков **обнаружены** только в Африке.

Однако корреляция 'тип агенса – форма глагола' прослеживается также на примерах с разными производителями действия одного типа агенса. Однородность типа агенса совпадает с однородностью глагольных форм, выбранных для описания действия разных субъектов, например:

Rannarahva-le meeldis savitoa-s käia,
Берег.народ-ALL нравится:PRT глина.комната-INESS ходить:INF
ilma et asja ole-ks.
без чтобы вещь:PRTV быть-COND.
Tul-i-d niisama, võt-si-d istet ja vaata-si-d, kuidas
Приходить-IMPF-3PL просто.так, брать.сидение-PRT-3PL и смотреть-PRT-3PL, как
saviklomp treiratta-le pan-di ja tundliku-d käe-d
комок.глина токарный.колесо-ALL класть-PASS:PRT и чувствительный-PL рука-PL
hakka-si-d seda oma meelt mööda vormi-ma ja taltsuta-ma.
начинать-PRT-3PL это:PRTV свой чувство:PRTV сквозь формировать-SUP и приручать-SUP.

(40) Местным жителям нравилось ходить в гончарню просто так, без дела. **Приходили, садились и смотрели**, как **клали** комок глины на гончарный круг и как ловкие чуткие руки гончаров придавали ей нужную форму.

Разумеется, здесь нельзя говорить о том, что тип агенса (в данном примере неопределенный фиксированный как у агенса *местные жители*, так и у агенса *гончары*) диктует форму глагола (прош. вр., мн. ч), поскольку классификация типов агентов не обладает достаточной изосемичностью.

Вывод, который можно сделать, не считаясь с недостаточностью материала: неопределенность субъекта НЛП имеет полевую структуру с центром и периферийными областями и классифицировать их можно, исходя из типа агенса.

В центре – неопределенный нефиксированный агент – все люди, невозможно вычленив какую-то группу, можно только предполагать:

Saalet uudista-ti lahkesti, kuid erilise huvi-ta.

Саале:РРТV глядеть-PASS:РРТ доброжелательно но особенный:GEN интерес-ABESS

(41) На Саале **поглядывали** доброжелательно, но без особого интереса.

Далее следует определенный нефиксированный агент, субъект, действующий в данном тексте, он может быть более общим (речь идет об агенте *египтяне*):

Ei püü-tud-gi sõnastada ega lahendada üldisi

NEG пытаться-CL формулировать и решать общий:PL:PART

teaduslikke probleeme, ammu-gi mitte teaduslikult tõestada ühe

научный:PL:PART проблема:PL:PART давно-CL NEG научно доказывать один:GEN

või teise teoreetilise lahenduse õigsust.

или другой:GEN теоретический:GEN решение:GEN правильность:PART.

(42) *Общие научные проблемы не **формулировались** и к их решению не стремились, не говоря уже о научных доказательствах того или иного теоретического решения.*

И более определенным (*жрецы*):

Sur-nud Apis mumifitseeri-ti

Умереть-PRT:PRTC Апис мумифицировать-PASS-PRT

ja maе-ti Apiste oma hauakambri-sse.

и хоронить-PASS-IMPF Апис:PL:GEN свой:GEN гробница-ILL

(43) *Когда он умирал, его **мумифицировали** и **хоронили** в специальной гробнице, а взамен подыскивали нового Аписа.*

Еще ближе к периферии неопределенноличности находится определенный тип агенса, т.к. за ним всегда стоят лица, непосредственно продуцирующие данные тексты – ученые, исследователи:

Egiptlasi peet-akse sageli ka novellivormi leiutaja-ks.

Египтяне:PL:PRTV держать-PASS:PRS часто тоже форм.новелла:GEN изобретатель-TRNSL

(44) Зачастую египтян **считают** также основоположниками жанра повести.

Сюда же относится неопределенный фиксированный тип агенса, интенцией употребления которого является нежелание называть источник данного действия (в примере ниже это *господин Пальм* – лицо, к которому говорящий обращается на протяжении всего текста):

Mispärast sunni-takse mind veel nende-s asjade-s sori-ma!

Зачем вынуждать-PASS:PRS я:PRTV еще это:INESS дело:INESS копать-ся-SUP

(45) И зачем меня **вынуждают** снова в этих делах копать-ся!

Предложения с определенным фиксированным агенсом близки к двусоставным, в примере ниже субъект эксплицитно выражен в том же примере, где действует неопределенно-личный предикат:

Aga siis lei-ti selle linanurga-s ilus räimeparv.

Но тогда находить-PASS-PRT это:GEN сеть.угол-INESS красивый стая.салаки.

(46) Сначала **рыбаков** ждало разочарование: в вакууме металось лишь несколько рыбешек, но затем в глубине сетей **нашли** хорошую стаю салаки.

3.6. Отрицательная оценка как компонент семантики неопределенно-личных предложений

Как и все грамматические единицы языка, НЛП вступают в сложные отношения семантико-функциональных противопоставлений и подобий, составляющих, по мнению В. Г. Адмони, грамматический строй языка [Адмони 1964]. Противопоставляются личная и неопределенно-личная формы глагола, эксплицитно выраженный и неназванный или неизвестный субъект действия. В отношении подобия вступают синтаксические структуры неопределенно-личных, обобщенно-личных и безличных предложений. Однако грамматическая система не ограничивается оппозициями и сходствами, за рамки этих связей в парадигме выходит отмечаемая неоднородность значений НЛП [РГ 1980 II: 355-356]. Синтаксически подобные

неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения с незамещенной позицией подлежащего и сказуемым в форме 3-го л., мн. ч. пересекаются «в системе предложений, выражающих достоверное сравнение», это тип предложений: *Шел Самгин осторожно, как весной ходят по хрупкому льду реки* (Горьк.) [РГ 1980 II: 604]. В то же время, формальным показателем обобщенно-личного предложения обычно считается глагол в форме 2 л., но и в случае, указанном нами, говорится об оттенке всеобщности формального НЛП [РГ 1980 I: 636-637]. Таким образом, взаимодействие НЛП с парадигматически близкими обобщенно-личными предложениями неоднородно.

Помимо неоднородности внешних взаимодействий также традиционно говорится о внутренних противоречиях структуры рассматриваемых предложений: субъект НЛП, выраженный имплицитно, может быть неизвестным, но также может быть выяснен из контекста или эксплицитно выражен в форме субъектно-пространственной детерминации: *О, меня не любили никогда даже в школе. Меня всегда и везде не любили* (Дост.) [РГ 1980 II: 355]. Неопределенно-личная форма глагола, будучи синонимичной со страдательной, тем не менее, имеет свои особенности и чаще применяется в художественном тексте. Для функционального стиля художественного текста актуальны такие дополнительные функции этой глагольной формы, как изменение фокуса эмпатии и оценка [Иванова 2012: 160-161].

Помимо неопозиционных отношений дискретного содержания НЛП ту же форму отношений видим в недискретном содержании данного типа предложений, т.е. в «значении или семантическом элементе (оттенке значения), сопряженном с другим значением или другим несамостоятельным элементом в составе того или иного семантического комплекса», а в нашем конкретном случае – в таком явлении, как оценочность лексических единиц [ТФГ 2011: 26].

Такое свойство лексики, как субъективная оценка, в случае с НЛП лежит в плоскости пересекающихся грамматической и лексической семантики. Четкость оппозиций в оценке лексики или «ценностном аспекте значения» не является абсолютной и определяется по условной схеме «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший/плохой» [Вольф 2002: 5-6]. В работах, описывающих непосредственно семантику субъекта НЛП [Золотова, Онипенко, Сидорова 1998:

461] в качестве характерной черты субъекта НЛП называется его враждебность говорящему, отрицательная оценка говорящим агенса действия НЛП и выход этого субъекта из фокуса эмпатии говорящего [Онипенко 2001].

Учитывая, что в основе структуры НЛП лежит предикат – глагол 3-го л., мн. ч., на оценку влияет лексическое значение глагола, которое дифференцируется неоппозиционно. Помимо плюса и минуса, т.е. положительной и отрицательной оценки, существенный пласт лексики занимает ноль, нейтральная оценка. Наличие нейтральной оценки глагольной лексики опирается на положение Р. О. Jakobson об универсальности и возможности применения нулевого знака как к фонетике и морфологии, так и к синтаксису и стилистике [Jakobson 1985]. Более того, именно область разграничения оценок «со знаком» крайне мала и затрагивает лишь лексику таких семантических полей, как «жизнь», «любовь», «смерть», т.е. «универсальные эмоциональные ситуации» [Шаховский 2008: 131]. Помимо собственно глагольной семантики предикат НЛП несет в себе значение второго главного члена предложения, не выраженного эксплицитно субъекта действия, тоже оцениваемого. Здесь можно говорить об участии глагольных форм в выражении оценки.

Говоря о грамматической семантике НЛП, прежде всего, подразумевают сочетание таких компонентов, как множественность и неопределенность, придающих этому типу предложений оценку, с преобладанием отрицательной. Множественное число способно деиндивидуализировать объект, может выражать отрицательное отношение к объекту и к адресату сообщения, отмечается также пейоративное употребление форм мн. ч. [Князев 2007: 93-94, 89-90]. Лингвисты, специализирующиеся на грамматической семантике и функциональной семантике оценки, с одной стороны, отмечают, что «форма мн. числа может служить средством выражения различных отрицательных эмоций» [Князев 2007: 89] и, с другой стороны, говорят о т.н. «модальности незнания» [Вольф 1985: 131]. Неопределенность субъекта предполагает корреляции с оценкой, выражаемые отношением «неизвестный, значит, скорее плохой», к примеру, в предложениях типа: *Приходил тут какой-то* [Вольф 1985: 131]. Из корреляций оценки с грамматическими категориями стоит отметить то, что при глаголах с общефактическим значением несов. вида выступает ноль оценки, например:

(47) *Детей кормили в Мариинской комнате* (Ирина Муравьева. 1994. Мещанин во дворянстве).

Совокупностью этих факторов обусловлено доминирующее положение НЛП с отрицательной оценкой. Теоретические изыскания по вопросу доминирования отрицательно оцениваемых НЛП были подтверждены на практическом материале подкорпуса художественной литературы 1950-2012-го гг. (см. график на Рис. 1)¹⁷. Согласно результату данного исследования количество вхождений предложений с негативно оцениваемым предикативным компонентом в среднем выше на 47.9% для всех анализируемых вхождений, а разброс соотношения отрицательных и положительных вхождений составляет от 20.0% до 88.2% для каждых десяти авторов вхождений, взятых методом сплошной выборки в данном подкорпусе.

Отметим, что помимо эксплицитной оценки в виде оценочных предикатов, знак оценки устанавливается на основании таких дополнительных факторов, как имплицитная коннотация,¹⁸ контекст и влияние действия, оформленного глаголом в 3-го л. мн.ч., на рассматриваемую языковую ситуацию, а также на объект действия или субъект оценки (говорящего), в случае прямой речи. При этом само лексическое значение глагола в отрыве от контекста может не иметь отрицательной оценки, например:

(48) *За восемь месяцев ему досталось на войне под завязку. Но где-то вспомнили, спохватились — засиделся фельдшер в тылу. Утречком в понедельник прибежала комиссар госпиталя: быстро, срочно получить аттестат, оружие, боеприпас и— на аэродром. Через двадцать минут отправка. И без разговоров!* (Василь Быков. 2001. Болото).

---

¹⁷ Здесь и далее примеры даются из подкорпуса худ. литературы 1950-2012-го гг. НКРЯ со снятой омонимией. Для отсеивания предложений с нулевой оценкой поиск велся по глаголам с семантикой физического воздействия на объект (уничтожения, созидания), изменения состояния или признака, начала и прекращения существования, действий, связанных с посессивной, ментальной и психической сферой (эмоциями и волей).

¹⁸ Учитывая, что термин «коннотация» трактуется по-разному, приводим наше понимание этого атрибута лексического значения: «под коннотативным значением мы понимаем совокупность предикатных, т.е. характерологических компонентов семантики слова, соотносимых с областями чувственной и рациональной квалификации денотата» [Шаховский 2008: 112].

В результате воздействия на героя повествования – повторного отправления на фронт – складывается ситуация, оцениваемая негативно в связи с семантическим полем «война». Однако иногда для интерпретации оценки, обусловленной действием, которое оформлено неопределенно-личной формой глагола недостаточно контекста, данного в подкорпусе, тогда необходимо обращение к более широкому контексту, как в примере:

(49) *Команду же, недолго подумавши, набрали из официантов. А капитаном назначили шеф-повара Гусиные Лапки* (Александр Дорофеев. 2003. Элефантик // «Мурзилка»).

Контекст подтверждает негативное влияние отмеченных действий, шхуна по сюжету постоянно тонет: *«Действительно, несчастную шхуну уже раз двенадцать поднимали со дна. Ещё хорошо, что тонула она сразу, вблизи берега, далеко не заплывая»* (там же). Контекст, а именно – оценочный предикат, меняет знак оценки в оценочной ситуации с действием, оформленным одной и той же глагольной лексемой, если сравнить предложения положительной оценки:

(50) *Золотую медаль и аттестат с круглыми пятёрками вручили Ивану торжественно* (Анатолий Азольский. 1998. Лопушок // «Новый Мир»)

И отрицательной оценки:

(51) *Опыт декламации благодаря матушкиным литературно-музыкальным композициям у автозаводского чтеца имелся, но когда ему вручили слащавый текст приветствия и заставили озвучить, Колюня вдруг ощутил острый приступ стыда и замотал головой, не обращая внимания на то, что, большой и сильный, похожий на югославского актёра Гойко Митича, игравшего индейцев в гэдээровских фильмах, добрый и обожаемый детьми вожатый Витя строго сказал...* (Алексей Варламов. 2000. Купавна // «Новый Мир»).

Здесь в качестве форманта оценки или оценочного предиката выступают такие конкретные языковые средства, как «золотая медаль», «аттестат с круглыми пятёрками» – для формирования положительной оценочной ситуации; и «слащавый текст приветствия», «острый приступ стыда» – для отрицательной. Однако и значения глагольной лексики нельзя умалять, т.к. без выполнения функции этого

действия в предложении оценочная ситуация бы не состоялась и оценочные предикаты свои функции в таком случае также не выполнили бы. Отрицательно интерпретируемая ситуация, связанная с деструкцией, необязательно возникает в результате действия, оформленного неопределенно-личной формой глагола, в таком случае предложение не рассматривается как имеющее отрицательную оценку вследствие неопределенно-личного компонента действия, к примеру:

(52) *Ему издавна дали имя Бык. Ураган Бык врывался внезапно на улицы Панамки, как целое буйное стадо, и всё сокрушал на пути, ломая деревья, унося крыши, газетные киоски и фонарные столбы* (Александр Дорофеев. 2003. Эле-Фантик // «Мурзилка»).

Действие может оказывать негативное или позитивное влияние и на неопределенный обобщенный субъект (все человечество или нация), также становясь оценочным:

(53) *Только что справили двухтысячный год. Но я не справляла.* (Андрей Геласимов. 2001. Жанна).

В связи с обобщенностью и всеобщностью такого субъекта целесообразно рассматривать в качестве НЛП и двусоставные предложения с агенсом-квантором «люди», «все», «многие», которыми, по замечанию Е. В. Падучевой, являются «все одушевленные агенсы, совокупность субъектов-антропонимов, которым приписывается часть действия или все действия в предложении» [Падучева 1974: 82]. В то же время, данные предложения не относятся к обобщенно-личным, т.к. в них говорится о конкретной ситуации, в конкретной пространственно-временной рамке, здесь субъектом является неопределенный, но ограниченный круг действующих лиц, например:

(54) *17 марта 1995 года. Как меня все достали. В школе одни дебилы* (Андрей Геласимов. 2001. Нежный возраст).

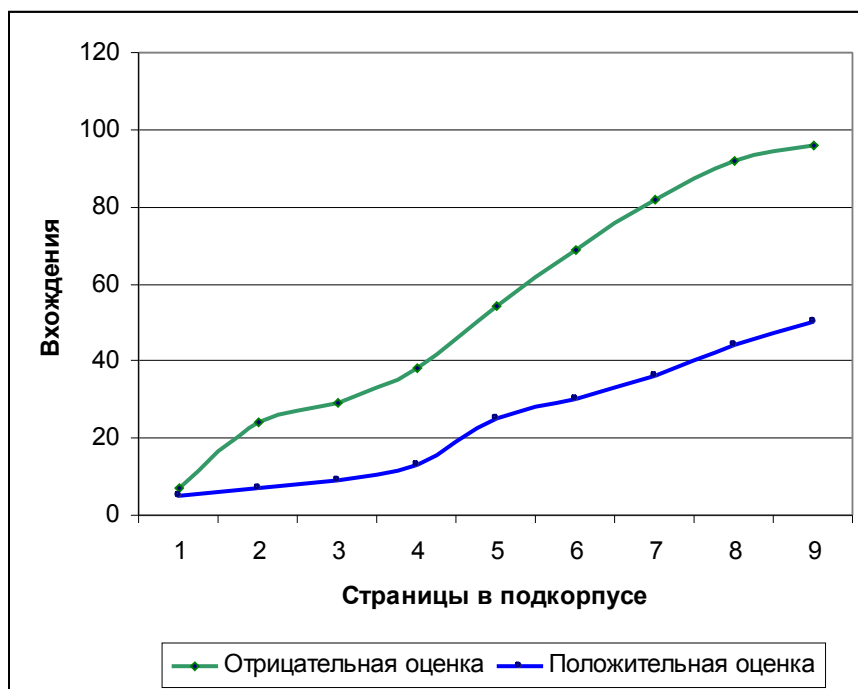

Рис. 3.¹⁹

При отборе данных рассматривались «классические» односоставные НЛП и двусоставные предложения с агенсом-квантором. Эти примеры надо отличать от других, где «все» – это все персонажи повествования, предложения рассматриваются как НЛП только в случае если *все* – «все люди вообще», все горожане, вся совокупность неизвестных субъектов, все члены какого-л. сообщества, все жители страны или все человечество, вообще все окружение автора. Таким образом, следующий пример не относится к НЛП:

(55) *Все весело уселись за стол, положили по полной чайной чашке варенья и только **взялись** за ложки, как светлячок ни с того ни с сего влез по стенке на потолок, глубоко вздохнул и засветился* (Георгий Юдин. 2003. Васильковое варенье // «Мурзилка»).

¹⁹ Легенда осей графика: число вхождений равняется числу глаголов 3 л., мн. ч., прош. вр., функционирующих в НЛП (отбор личных и неопределенно-личных форм мануальный); число страниц в подкорпусе кратно десяти авторам вхождений, вошедших в подкорпус.

По причине того, что НЛП отбираются вручную из всех вхождений с формой глагола 3-го л., мн.ч., прош. вр., следует различать односоставные неопределенно-личные и неполные предложения типа:

(56) Здорово! – сказала Белка, когда сели на крыльце пить чай (Сергей Козлов. 2003. Кит // «Мурзилка»).

Наблюдения над реализациями оценочной функции на конкретном языковом материале НЛП выявили закономерность преобладания в таких предложениях отрицательно интерпретируемых ситуаций, которые возникают как следствие действия остающихся неизвестными отрицательно оцениваемых лиц. Знание этой особенности языковой картины носителей русского языка позволяет лучше понять, как употребляется в предложении неопределенно-личная форма глагола и какую функцию выполняет, а также обратить внимание на роль оценки, пронизывающей разные средства языка. Эти факторы особенно важно учитывать при переводе и преподавании РКИ на продвинутом этапе.

Выводы

Эстонский имперсонал является грамматической категорией, выражаемой конструкциями, каждая из которых переводится на русский язык не единственным строгим эквивалентом, а несколькими вариантами. Эта категория выражает в эстонском языке неизвестный или неназываемый субъект действия, и на русский язык может быть переведена двусоставным, пассивным или активным предложением, неполным предложением²⁰ с упоминанием субъекта в более раннем контексте, и др.

Для решения конкретных задач при переводе имперсональных эстонских предложений на русский язык необходимо учитывать следующие факторы:

1. Эстонский имперсонал переводится на русский язык различными конструкциями. Синонимия этих конструкций не является абсолютной, и в контексте та или иная конструкция может оказаться более предпочтительной.
2. Существует прямая зависимость между употреблением залоговых форм и функциональным стилем текста. В учебном и научном тексте преобладают более отстраненные от субъекта действия пассивные конструкции, а в художественном неопределенно-личные, т.к. им присуща смена фокуса эмпатии по отношению к субъекту, кроме того, в действительных конструкциях проявляется оценка говорящим действия, производимого субъектом.
3. Агенты НЛП различаются по характеру представления в предложении, от неназванных, которые невозможно вычислить из контекста, до названных в предложении, но не теряющих оттенка неопределенно-личности. Таким образом, эстонское имперсональное предложение при необходимости переводится русским двусоставным предложением.

Варианты перевода эстонского имперсонала на русский язык можно представить в виде поля, центром которого будут взаимозаменяемые страдательные и неопределенно-личные конструкции, далее следуют либо страдательные, либо неопределенно-личные конструкции, для которых перевод обусловлен

---

²⁰ Мы пользуемся определениями односоставных, двусоставных, полных и неполных предложений М. А. Шелякина, см.: [Шелякин 2001: 178-180].

функциональным типом переводимого текста. Крайнюю периферию занимают рассмотренные нами примеры двусоставных НЛП и безличные предложения.

НЛП и предложения со страдат. конструкциями включаются в обзор, исходя из двух критериев, и рассматриваются с учетом этих критериев:

1. При формальной принадлежности к неопределенно-личному типу предложений, т.е. с незаполненной позицией субъекта действия и глаголом в форме 3 л. мн. ч; или при наличии в предложении страдательной конструкции с возвратным перфективным пассивным глаголом²¹ или страдательным причастием.

2. При формальной двусоставности НЛП с определенными выражающими субъект действия лексемами, когда у предложения сохраняется неопределенно-личное значение, несмотря на отсутствие формального критерия принадлежности к данному типу предложений.

Фактором, действующим в русском языке при переводе эст. имперсонала, является проявление оценочности лексики в зависимости от выбора формы перевода глагольной лексики, действительной формы, при переводе неопределенно-личными конструкциями или страдат., при переводе страдат. конструкциями. Ю. П. Князев отмечает, что неопределенно-личная форма глагола часто становится средством выражения отрицательной оценки. Субъективная оценка свойственна различным языковым средствам, в т.ч. составляющим неопределенно-личные предложения. В формировании оценки участвует как лексическое значение самих глаголов, так и грамматическая семантика неопределенноличности. Исходя из этого на материале подкорпуса текстов худ. литературы 1950-2012-го гг. НКРЯ, были сделаны выводы, что в неопределенно-личной форме глагола доминирует негативный оценочный компонент и, как следствие, предложения, где она функционирует, чаще представляют отрицательно оцениваемые ситуации, создаваемые отрицательно оцениваемыми неназываемыми субъектами действия. Данные наблюдения важны для разьяснения контекстуальных особенностей при обучении РКИ и точного перевода худ. текста.

---

²¹ Возвратный перфективный пассив – один из терминов для обозначения синтетического пассива или пассива с постфиксом *–ся*.

Заклучение

Внимание данной магистерской работы было сосредоточено на возможных вариантах перевода одной эстонской глагольной формы – имперсонала – на русский язык; а также на факторах, влияющих на этот перевод и ограничениях в рус. языке, действующих при образовании залоговых форм.

Во введении были указаны цели и поставлены задачи магистерского исследования. Целью магистерской работы было описать и проанализировать варианты перевода эст. имперсонала на рус. язык. Для реализации этой цели мы должны были решить следующие задачи: 1) описать теоретические основы исследования, т.е. понятие залога в русской грамматической традиции, семантику и статус неопределенно-личных предложений в русской грамматике, семантику и функции неопределенно-личного залога в эстонской грамматике; 2) найти возможные варианты перевода эстонских имперсональных конструкций на русский язык и описать факторы, влияющие на перевод; 3) попытаться обосновать правомерность того или иного варианта перевода; 4) найти и представить перечень сгруппированных по семантическому признаку русских глаголов, для которых затруднено образование страдат. форм.

В первой главе *«Теоретические основы исследования»* представлена история изучения залога в русской грамматической традиции и современное состояние изученности проблемы, здесь мы затронули такие аспекты, как семантика и синтаксический статус неопределенно-личных предложений и выражение субъекта безличных предложений нулевой лексемой. В этой части магистерской работы также были представлены важные для исследования связи потенциала образования страдат. форм и глагольной семантики критерии отбора глагольной лексики, такие как переходность глаголов и зависимость образования страдат. форм от видовой принадлежности глагольной лексики.

Во второй главе *«Об ограничениях в образовании рус. залоговых форм, эквивалентных эстонскому имперсоналу»* внимание сосредоточено на русских залоговых формах, отдельно была рассмотрена каузативная семантика глагольных форм, предположительно в какой-то мере налагающая ограничение при образовании

пассивных форм, также сделана попытка установить, какая еще семантика влияет на образование русского пассива. Были выявлены некоторые ограничения на образование пассива глаголами определенной семантики, а именно глаголами состояния с семантикой познания, изучения, обладания знаниями, запоминания, желания, стремления, терпения и др.; глаголами деятельности с семантикой прельщения, подстрекательства, соблазнения, обмана, хитрости, причинения беспокойства, успокоения, одоления, воспитания, ухода, присмотра, отправления таинств, погребальных ритуалов, народных обрядов и т.д.; глаголами сельскохозяйственной семантики; глаголами с семантикой медицинских действий: обследования, диагностики, лечебных процедур; и некоторыми др.

Во третьей главе «*Факторы, влияющие на перевод, и варианты перевода форм эстонского имперсонала*» были представлены варианты перевода глагольных форм с эст. языка на русский, наглядно показано влияние функциональных стилей речи на перевод залоговых форм; рассмотрено влияние агенса на выбор варианта перевода. Объектом исследования в данной части работы были предложения неопределенно-личного залога в эст. языке (рассматриваются формы наст. вр. и имперфекта индикатива положительного способа речи, т.е. формы типа *räägiti, räägitakse*) и варианты их перевода на рус. язык. Один из вариантов перевода эст. имперсонала на русский – неопределенно-личное предложение – были рассмотрены с точки зрения оценочного компонента их семантики, для наглядного отображения сделанных выводов были приведены примеры и диаграмма распределения лексем с положительным и отрицательным компонентами их семантики.

В определенных типах предложений семантический субъект не выражается в виде подлежащего. Вопрос определения имплицитно выраженного субъекта этих двух типов предложений, неопределенно-личных предложений и безличных предложений, важен при выборе средства перевода и для предупреждения довольно распространенных ошибок в отнесении действия к объекту вместо субъекта в осложненных предложениях. Схема пассивного предложения, где синтаксически незаполненная позиция подлежащего заполняется нулевой лексемой, принята нами для определения имплицитно выраженных агентов и, соответственно, определения, к какой из членов залоговой диатезы относится то или иное предложение.

Кроме этого аспекта в данной работе широко затронута тема различных средств перевода эстонского имперсонала, встречающихся в переводах литературных и учебных текстов с эст. языка на рус. яз. В справочниках, ориентированных на контрастивное описание, и учебниках, как правило, даются лишь каноничные формы перевода неопределенно-личными предложениями и страдат. конструкциями, перевод же безличными предложениями считается приемлемым только в случае определенного типа агенса, в качестве которого выступает стихия или силы природы. Внимание, уделенное варианту перевода имперсонала двусоставными предложениями с сохранением значения неопределенно-личности, не представляется достаточным.

Контрастивная часть исследования выполнена методом сопоставления двух языков, эстонского – исходного языка и русского языка как целевого. При анализе влияния функц. стилей речи на выбор формы перевода использовался статистический подход, метод сплошной выборки (все предложения нужной формы данного текста – по формальным показателям), группировка, построение и анализ диаграмм. Тот же метод использовался при наглядном исчислимом отображении элементов с отрицательным оценочным компонентом семантики неопределенно-личных предложений. При анализе влияния глагольной семантики на образование страдат. форм применялся отбор из Русского семантического словаря методом исключения лексики, неспособной образовать формы страдат. залога по несемантическим причинам. Предыдущие исследования связи семантики глагола и возможности образования им страд. форм в основном ограничивались выводами о влиянии стилистических факторов, препятствующих образованию страдат. форм, а также в качестве основной причины называлась омонимия двух грамм. форм, действ. возвратной и синтетической страдат. формы (глаголы с постфиксом *-ся*).

Семантика русских глаголов является предметом исследования при анализе факторов, влияющих на потенциал образования глагольных страдат. форм. Таким образом, на материале данного исследования можно сказать, что у каузативных глаголов совершенного вида с семантикой воздействия на волю каузируемого объекта (*заставить, вынудить, толкнуть*) есть затруднения в образовании аналитических форм пассива в отличие от каузативов со значением механического

воздействия на объект (*накормить, напоить, вымыть* и др.). Каузативные глаголы несовершенного вида менее продуктивны в образовании пассивных, синтетических, форм. Основной причиной этого может служить омонимия с возвратной формой, образуемой аналогичными формантами (*толкается, моется*), но у части глаголов такие декаузативы сосуществуют со страдат. формами и их принадлежность к той или иной форме выясняется из контекста.

Форма эстонского имперсонала и её эквиваленты в тексте русского перевода были проанализированы на материале текстов двух типов: художественного (рассказы Лилли Промет «Девушка в черном» и Яна Кросса «Час на стуле, который вращается») и учебный («Учебник по истории для русских и эстонских школ»). При статистическом подчете и в качестве наглядных примеров использованы ресурсы НКРЯ и корпуса текстов эст. литературы 1990-х гг. (корпус составлен исследовательской группой компьютерной лингвистики при Тартуском университете).

Важным компонентом магистерской работы является опора на понятие функционально-семантических полей персональности и залоговости, позволяющее рассматривать предложения не только по формальным признакам, но и определять общие элементы различных для формальной типологии предложений.

Понимание семантических структур представляется необходимым дополнением переводческих навыков. Кроме того, в детальном описании функционально-семантических языковых структур нуждается другая прикладной институт контрастивной лингвистики – преподавание РКИ, особенно в практике обучения на продвинутых этапах, где причиной частотных ошибок является именно непонимание принадлежности действия к кругу третьих лиц, т.е. неумение употреблять пассив и различать возвратную форму.

Литература

1. Адмони В. Г. 1964 — *Основы теории грамматики*. Л.: Наука.
2. Бирюлин Л. А. 1984 — *Диатезы русских глаголов, обозначающих атмосферные явления*. Автореферат дисс. на соискание уч. ст. канд. фил. наук. Л.: Академия наук СССР.
3. Бондарко А. В., Буланин Л. Л. 1967 — *Русский глагол*. Л.: Просвещение.
4. Буланин Л. Л. 1976 — *Трудные вопросы морфологии*. М.: Просвещение.
5. Буланин Л. Л. 1986 — *Категория залога в современном русском языке*. Л.: Ленинградский университет.
6. Виноградов В. В. 1972 — *Русский язык. Грамматическое учение о слове*. М.: Высшая школа.
7. Вольф Е. М. 2002 — *Функциональная семантика оценки*. М.: УРСС.
8. Гаспаров Б. М. 1971 — *Из курса лекций по синтаксису современного русского языка: простое предложение*. Тарту.
9. Зализняк А. А. 2003 — *Грамматический словарь русского языка. Словоизменение*. М.: Русские словари.
10. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. 1998 — *Коммуникативная грамматика русского языка*. М. (Тула): Изд-во «Лев Толстой».
11. Золотова Г. А. 2009 — *Очерк функционального синтаксиса русского языка*. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
12. Иванова Е. 2012 — О русских соответствиях формам эстонского имперсонала – *Русская филология*. Вып. 23. Сборник научных работ молодых филологов. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus.
13. Князев Ю. П. 2007 — *Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе*. М.: Языки славянских культур.
14. Кожин А. Н., Крылова О. А., Одинцов В. В. 1982 — *Функциональные типы русской речи*. М.: Высшая школа.
15. Коломацкий Д. И. 2009 — *Дистрибуция русских пассивных форм: корпусное исследование*. Дисс. на соискание науч. степени кандидата филол. наук. М.

16. Кочкина С. 2003 — *Специфика образования и употребления форм страдательного залога (на материале глаголов несовершенного вида)*. Диссертация на соискание научной степени magister artium. Тарту.
17. Кюльмоя И. П., Щаднева В. П. 1999 — Референциальные свойства нулевого субъекта русского и эстонского двучленного пассива (на материале предложений с формами стард. залога с грамматическим –ся и имперсонально-пассивного залога на –takse, -ti). *Indo-European-Uralic-Siberian Linguistic and Cultural Contacts*. Künnap, A. (Toim.). University of Tartu, 91 – 101
18. Кюльмоя И. П. Вайгла Э. Солль М. 2003 — *Краткий справочник по контрастивной грамматике эстонского и русского языков*. Тарту.
19. Лопатин В. В., Милославский И. Г., Шелякин М. А. 1989 — *Современный русский язык. Теоретический курс*. М.: Русский язык.
20. Мелиг Х. Р. 1988 — Семантика предложения и семантика вида в русском языке (к классификации глаголов Зино Вендлера). *Новое в зарубежной лингвистике*. Выпуск XV. Современная зарубежная русистика. М.: Прогресс. С. 227-249
21. Мельчук И. А. 1974 — О синтаксическом нуле. *Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги*. Отв. ред. А. А. Холодович. Л.: Наука. С. 343-362.
22. Неद्याлков В. П. Сильницкий Г. Г. 1969 — Типология морфологического и лексического каузативов. *Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив*. Отв. ред.: А. А. Холодович. Л.: Наука. С. 20-50.
23. Овсяннико-Куликовский Д. Н. 1901 — *Из синтаксических наблюдений I: К вопросу о классификации безсубъектных предложений*. СПб: Типография императорской Академіи наукъ.
24. Овсяннико-Куликовский Д. Н. 1907 — *Руководство к изучению синтаксиса русского языка*. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина.
25. Падучева Е. В. 1974 — *О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка*. М.: Наука.

26. Перцов Н. В. 2003 — *Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии*. Вопросы языкознания №4. С. 43-71. М.: Наука.
27. Пешковский А. М. 2001 — *Русский синтаксис в научном освещении*. М.: «Языки славянской культуры».
28. Пихлак А. Й. 1989 — *О неопределенно-личности в эстонском языке*. Взаимодействие языковых единиц и категорий в высказывании. Тезисы осенней школы-семинара (Арбавере, сентябрь 1989). Таллинн, 48-54.
29. Потенция А. А. 1977 — *Из записок по русской грамматике. IV. Глагол*. М.: Просвещение.
30. Храковский В. С. 1974 — *Пассивные конструкции. Типология пассивных конструкций. Диатезы и залог*. Отв. ред.: А. А. Холодович. Л.: Наука. С. 5-45.
31. Храковский В. С. 1999 — *Теория языкознания. Русистика. Арабистика*. СПб: Наука.
32. Шаховский В. И. 2008 — *Лингвистическая теория эмоций*. М.: Гнозис.
33. Шелякин М. А. 2001 — *Функциональная грамматика русского языка*. М.: Русский язык.
34. Щаднева В. П. 1996 — *О субъекте и объекте в эстонском и русском пассиве (на материале форм с -take, -ti и их русских соответствий)*. *Emakeel ja teised keeled II*, 18. – 20. okt. 1996: Ettekanded. Tartu, 211–220.
35. Щаднева В. П. 2000 — *Дискурсивно обусловленные невербализованные компоненты высказывания*. Дисс. на соискание докт. степени. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus.
36. Арутюнова Н. Д. 1976 — *Типы каузативных глаголов. — Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы*. М.: Наука — http://www.classes.ru/grammar/16_8.Arutyunova/source/worddocuments/_19.htm (Дата последнего просмотра: 11.05.2013)
37. Вейренк Ж. 1995 — *Диатеза и конструкции с глаголами на -ся. Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XV. — <http://www.classes.ru/grammar/158.new->

- in-linguistics-15/source/worddocuments/_16.htm (Дата последнего просмотра: 24.05.2013).
38. Кирвесмяки А. 2010 — Выражение обобщенно-личного значения в русском языке. *Slavica Helsingensia* 38. Helsinki University Print. — <http://www.doria.fi/bitstream/handle/10024/63138/vyrazeni.pdf?sequence=1> (Дата последнего просмотра: 06.02.2013).
39. Онипенко Н. К. 2001 — Теория коммуникативной грамматики и проблема системного описания русского синтаксиса. *Русский язык в научном освещении*. № 2. М. С. 107-121. — <http://www.philology.ru/linguistics2/onipenko-01.htm> (Дата последнего просмотра: 11.05.2013).
40. Якобсон Р. О. 1985 — Нулевой знак. *Избранные работы*. — http://sprach-insel.com/index.php?option=com_content&task=view&id=96&Itemid=61. М. С. 222-230 (Дата последнего просмотра: 11.05.2013).
41. *Грамматика русского языка*. 1953 — Т. I. *Фонетика и морфология*. Ред. В. В. Виноградов. М.: АН СССР.
42. *Лингвистический энциклопедический словарь*. 1990 — Научно-редакционный совет издательства "Советская энциклопедия", Институт языкознания АН СССР. Главный редактор В. Н. Ярцева
43. РГ 1980, I — *Русская грамматика*. Т. I. *Фонетика. Словообразование. Морфология*. М.: Наука.
44. РГ 1980, II — *Русская грамматика*. Т. II. *Синтаксис*. М.: Наука.
45. РСС 2007 — *Русский семантический словарь. Том IV. Глагол*. Ред. Н. Ю. Шведова. РАН. Москва.
46. ТФГ 1991 — *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб: Наука.
47. ТФГ 2011 — *Теория функциональной грамматики. Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис*. Отв. ред. А. В. Бондарко. М.: УРСС.

48. Erelt M. 2006 — *Lause õigekeelsus. Juhatused ja harjutused*. Tartu: Bookmill.
49. EKG 1995, I — *Eesti keele grammatika. I. Morfoloogia. Sõnamoodustus*. Tallinn.
50. EKG 1995, II — *Eesti keele grammatika. II. Süntaks*. Tallinn.
51. Vendler Z. 1957 — Verbs and times. *The Philosophical Review*, Vol. 66, No. 2. (Apr., 1957), pp. 143-160. Cornell University — <http://www.jstor.org/discover/10.2307/2182371?uid=3737920&uid=2&uid=4&sid=21102269542067> (Дата последнего просмотра: 11.05.2013).
52. Vihman V.-A. 2006 — *Emakeele Seltsi aastaraamat 52*. Impersonaliseeritud impersonaal kui konstruktsioonitasandi grammatisatsiooni. 158-178 — http://www.emakeeleselts.ee/esa/ESA_52_pdf/Vihman.pdf (Дата последнего просмотра: 24.05.2013).

Источники

1. Jaan Kross. 1999 — *Kogutud teosed*. Pöördtoolitund. Kd. 4. Tallinn: Virgela.
2. Ян Кросс. 2006 — *Открытие мира*. Час на стуле, который вращается. Таллинн: VE. Пер. Ольги Самма.

Примеры: 9, 13, 20, 21, 26, 27, 33, 36, 38, 45.

3. Кыйв М., Мясалу А., Пийримяэ К., Тянава М. 2001 — *Человек. Общество. Культура. I. Страны Древнего Востока, Древняя Греция и Древний Рим*. Учебник по истории для XI класса. Сост. Пийримяэ Х. Таллинн: «Коолибри».

4. Кõiv M., Mäesalu A., Piirimäe K., Tänav M. 2004 — *Inimene. Ühiskond. Kultuur. I. Vana-Idamaad, Vana-Kreeka ja Vana-Rooma*. XI klassi ajalooõpik. Koost. Piirimäe H. Tallinn: Koolibri. 2. trükk.

Примеры: 22, 25, 34, 35, 37, 3, 42, 44.

5. Lilli Promet. 1982 — *Pesamaa. Jutustused*. Tütarlaps mustas. Tallinn: Eesti raamat.
6. Лили Промет. 1969 — *Детская литература. Девушка в черном*. Пер. Г. Муравин. М.

Примеры: 24, 28, 29, 31, 32, 40, 41, 46.

7. Национальный корпус рус. языка – <http://ruscorpora.ru/>

Примеры: 11, 12, 16-19, 49, 47-56.

8. Корпус эстонского языка – Eesti kirjakeele korpus 1890-1990
<http://www.cl.ut.ee/korpused/>

Примеры: 1, 2.

9. Евсеев М. А. 2008 — *Уход за больными в хирургической клинике*. Учебное пособие для вузов. М.: ГЭОТАР-Медиа.
10. Адамсон А., Валдмаа С. 2000 — *История Эстонии: учебник для гимназии*. Т.: Коолибри.

Список сокращений

буд. вр. — будущее время

вин. п. — винительный падеж

действ. залог — действительный залог

ед. ч. — единственное лицо

л. — лицо

мн. ч. — множественное число

наст. вр. — настоящее время

прош. вр. — прошедшее время

род. п. — родительный падеж

рус. яз. — русский язык

страдат. залог — страдательный залог

эст. яз. — эстонский язык

СВ — совершенный вид

НСВ — несовершенный вид

НЛП — неопределенно-личное предложение

НКРЯ — Национальный корпус русского языка <http://ruscorpora.ru/>

НПП — носитель предикативного признака

РГ — Русская грамматика. 1980. Тома I/II. Глав. ред. Н. Ю. Шведова. РАН. Москва.

РСС — Русский семантический словарь. 2007. IV. Глагол. Глав. ред. Н. Ю. Шведова.
РАН. Москва.

ФСП — функционально-семантическое поле

ALL — аллатив

ABESS — абессив

ADESS — адессив

AUX — глагол-связка

CL — клитик

СМР — компаратив

СОМ — комитатив

GEN — генитив

ILL — иллатив

IMPF — имперфект

EL — элатив

NEG — отрицание
PART — причастие
PASS — пассив
PL — множественное число
PRS — презенс
PRT — претерит
PRTV — партитив
SG — единственное число
SUP — супин
TRNSL — транслатив

Kokkuvõte

Käesoleva magistr töö tähelepanu keskpunktis olid ühe eestikeelse tegumoevormi – umbisikulise tegumoe – vene keelde tõlkimise variandid. Lisaks sellele uuritakse eesti-vene tõlke mõjutegureid ning piiranguid vene keeles, mis mõjutavad tegumoevormide moodustamist.

Esimeses peatükis „*Uurimise teoreetiline taust*“ on esitatud tegumoe kategooria uurimislugu ning tänapäeva seis vene keeleteaduses. Käsitatud on selliseid aspekte, nagu vene umbisikuliste lausete semantika ja süntaktiline seisund ning mitteisikuliste lausete subjekti väljendamine null-lekseemi abil. Selles magistr töö osas on samuti esitatud olulised kriteeriumid, mida kasutatakse tegusõna semantika ja passiivi moodustamispotentsiaali seoste uurimiseks. Need kriteeriumid on tegusõna transitiivsus ning tegusõna aspekti ja passiivi moodustamise seos.

Uurimuse teises peatükis „*Eesti umbisikulise tegumoe ekvivalentsete vene tegumoevormide moodustamise piirangutest*“ on tähelepanu keskmes vene keele tegumoevormid. Tegusõna vormide kausatiivset semantikat on käsitatud eraldi, kuna oletati, et see mingil määral piiritleb passiivi moodustamist. Lisaks on uuritud passiivi moodustamist, et välja selgitada teisi esinemisvorme piiritlevaid semantilisi tegureid.

Kolmandas peatükis „*Eesti umbisikulise tegumoe tõlget mõjutavad tegurid ja tõlkevariandid*“ on esitatud tegusõnavormide eesti-vene tõlkevariandid, graafikute kujul näidatud funktsionaalsete kõnestiilide mõju nende vormide tõlkele, käsitatud subjekti mõju tõlkevormi valikule. Antud magistr töö osa uurimisobjektiks olid eestikeelsed umbisikulise tegumoe laused (on käsitatud oleviku ja lihtmineviku indikatiivi jaatava kõne vorme ehk *räägiti*, *räägitakse* tüübi vorme) ning nende tõlkevariante vene keeles. Üks võimalus on tõlkida eestikeelne umbisikulise tegumoe lause vene keelde samuti umbisikulisena. On käsitatud ka nende semantikat hinnangulise koostisosa seisukohast, järelduste kujundlikuks peegeldamiseks on toodud näiteid ning esitatud semantika positiivsete ja negatiivsete koostisosade diagramm.

Välja on selgitatud mõned piirangud teatud semantikaga tegusõnade passiivi moodustamisel: tuvastamist, uurimist, teadmiste omamist, meeldejätmist, soovi, püüdemist, kannatamist jm seisundit väljendavatel tegusõnadel; võlumist, õhutamist,

meelitamist, petmist, kavalust, tülitamise tekkimist, rahuldamist, jagu saamist jm tegevust väljendavatel tegusõnadel; põllumajandusliku semantikaga tegusõnadel; meditsiiniliste tegevuste, meditsiinilise uuringu, diagnostika ja raviprotseduuride semantikaga tegusõnadel.

Magistritöös on määratletud ja analüüsitud eesti umbisikulise tegumoe vene keelde tõlkimisvariante. Selle eesmärgi ellu viimiseks tuli lahendada järgmised ülesanded: 1) kirjeldada uurimise teoreetilist tausta, st tegumoe mõistet vene grammatika traditsioonis, umbisikuliste lausete semantikat ja staatust, eesti umbisikulise tegumoe semantikat ja funktsioone; 2) leida võimalikud variandid eesti umbisikulise tegumoe konstruktsioonide tõlkimiseks vene keelde ja analüüsida tegureid, mis mõjutavad seda tõlkimist; 3) püüda põhjendada ühe või teise tõlkevariandi õiguspärasust; 4) leida ja esitada nimekiri semantilise tunnuse järgi grupeeritud vene tegusõnadest, mille jaoks on passiivi moodustamine raskendatud.

Teatud tüüpi lausetes semantiline subjekt ei väljendu alusena. Umbisikuliste ja mitteisikuliste lausete väljendamata subjekti kindlaks tegemine on tähtis tõlkevahendite valimiseks ja enamlevinud vigade ennetamiseks, sest tegevuslikes liitlausetes aetakse objekt ja subjekt sageli segi. Passiivse lause skeem, kus süntaktiliselt vaba aluse positsioon täitub null-lekseemiga, on võetud meie poolt vastu implitsiitselt väljendatud subjektide kindlakstegemiseks ning vastavalt sellele arusaamiseks, millisesse tegumoe kategooriasse kuulub üks või teine lause.

Lisaks sellele aspektile on antud töös laialt käsitletud eesti-vene ilukirjanduslike ja õppetekstide tõlgetes esinevaid eesti umbisikulise tegumoe tõlkevahendeid. Kontrastiivsele uurimusele suunatud teatmeteostes ja õpikutes on reeglina mainitud vaid umbisikuliste lausete ja passiivsete konstruktsioonide abil teostatavaid tõlkevorme. Mitteisikulisi lauseid loetakse vastuvõetavaks vaid teatud subjekti puhul, nimelt kui subjektina esineb loodusjõud või keskkond. Tähelepanu, mis on pööratud kahe pealiikmega lausete tõlkevariandile, ei tundu olevat piisav.

Uurimise kontrastiivne osa on tehtud kahe keele võrdluse meetodi abil, kus eesti keel esineb lähtekeelena ja vene keel sihtkeelena. Funktsionaalne stiil mõjutab tõlkevormi valikut ning selle tuvastamiseks on kasutatud statistilist lähenemist, üldkogumi meetodit (vajaliku vormi kõik laused antud tekstis on võetud formaalsete tunnuste järgi),

grupeerimist, diagrammide ehitamist ja analüüsi. Sama meetodit on kasutatud kujundlike loendatavate elementide kajastamisel ning need elemendid sisaldavad umbisikuliste lausete negatiivse hinnagulise semantika komponenti. Tegusõna semantika mõju analüüsimiseks passiivi vormide moodustamisele kõrvaldati Vene semantilise sõnaraamatust (*Русский семантический словарь. 2007. Том VI.*) võetud sõnavara, mis ei moodusta passiivi mittesemantilistel põhjustel.

Vene tegusõnade semantika on uurimisobjektiks tegusõna passiivsete vormide moodustamispotentsiaali mõjutavate teguride analüüsil. Võttes arvesse antud uurimuse materjali võib teha järelduse, et on raskusi analüütilise passiivi vormide moodustamisel perfektiivsetest kausatiivsetest tegusõnadest, mis väljendavad objekti mõjutamise tahet (*заставить, вынудить, толкнуть*). Selliseid raskusi ei esine objekti mehaanilise mõjutamise semantikaga (*накормить, напоить, вымыть* и др.) kausatiividel. Imperfektiivsete kausatiivsete tegusõnadega saab moodustada vähem passiivseid sünteetilisi vorme. Selle peamiseks põhjuseks on homonüümia enesekohaste vormidega, mida moodustavad samad tunnused (*толкает-ся, моет-ся*), kuigi osadel tegusõnadel eksisteerivad sellised dekausatiivid koos passiivsete vormidega ning nende kuuluvus ühele või teisele vormile tuvastatakse kontekstist.

Eesti umbisikulise tegumoe vorme ja selle ekvivalente vene tõlkes on analüüsitud kahte liiki tekstide: ilukirjanduslike (Lilli Promet „Tütarlaps mustas“ ja Jaan Kross „Pöördtoolitund“) ja õppeteksti („XI klassi ajalooõpik“) põhjal. Statistilise arvutuse ja näidiste jaoks kasutati Vene rahvuslikku koondkorpust (*НКРЯ – Национальный корпус русского языка*) ja Eesti kirjakeele tekstide koondkorpust (koostatud Tartu Ülikooli arvutilingvistika uurimisrühm poolt).

Magistritöö tähtis komponent on funktsionaal-semantiliste väljade mõiste, mis võimaldab vaadelda mitte ainult lausete formaalseid tunnuseid. Lisaks annab see ühiselemendi lausetele, mis formaalse tüpoloogia seisukohast vaadates on erinevad.

Semantilistest struktuuridest arusaamine tundub olevat vajalik tõlkeoskuste arendamiseks. Lisaks sellele vajab rakenduslik kontrastiivlingvistika (vene keele võõrkeelena õpetamine) funktsionaal-semantiliste struktuuride detailset kirjeldust. Seda on eriti vaja edasijõudnute tasemel õpetamisel, kus vigade põhjuseks on tihti see, et ei saada

aru, kui tegevust sooritab kolmas isik, ehk passiivi kasutuse oskuse ja enesekohase vormi eristamisoskuse puudumine.

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja lõputöö üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina Jelena Ivanova

(sünnikuupäev: 27.12.1987)

annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) enda loodud teose „Eesti umbisikulise tegumoe vormide tõlkest vene keelde“ («О соответствиях формам эстонского имперсонала в переводах на русский язык»),

mille juhendaja on Irina Külmoja,

- 1.1. reprodutseerimiseks säilitamise ja üldsusele kättesaadavaks tegemise eesmärgil, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace-is lisamise eesmärgil kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni;
- 1.2. üldsusele kättesaadavaks tegemiseks Tartu Ülikooli veebikeskkonna kaudu, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace'i kaudu kuni autoriõiguse kehtivuse tähtaja lõppemiseni.
2. olen teadlik, et punktis 1 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.
3. kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei rikuta teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse seadusest tulenevaid õigusi.

Tartus 24.05.2013